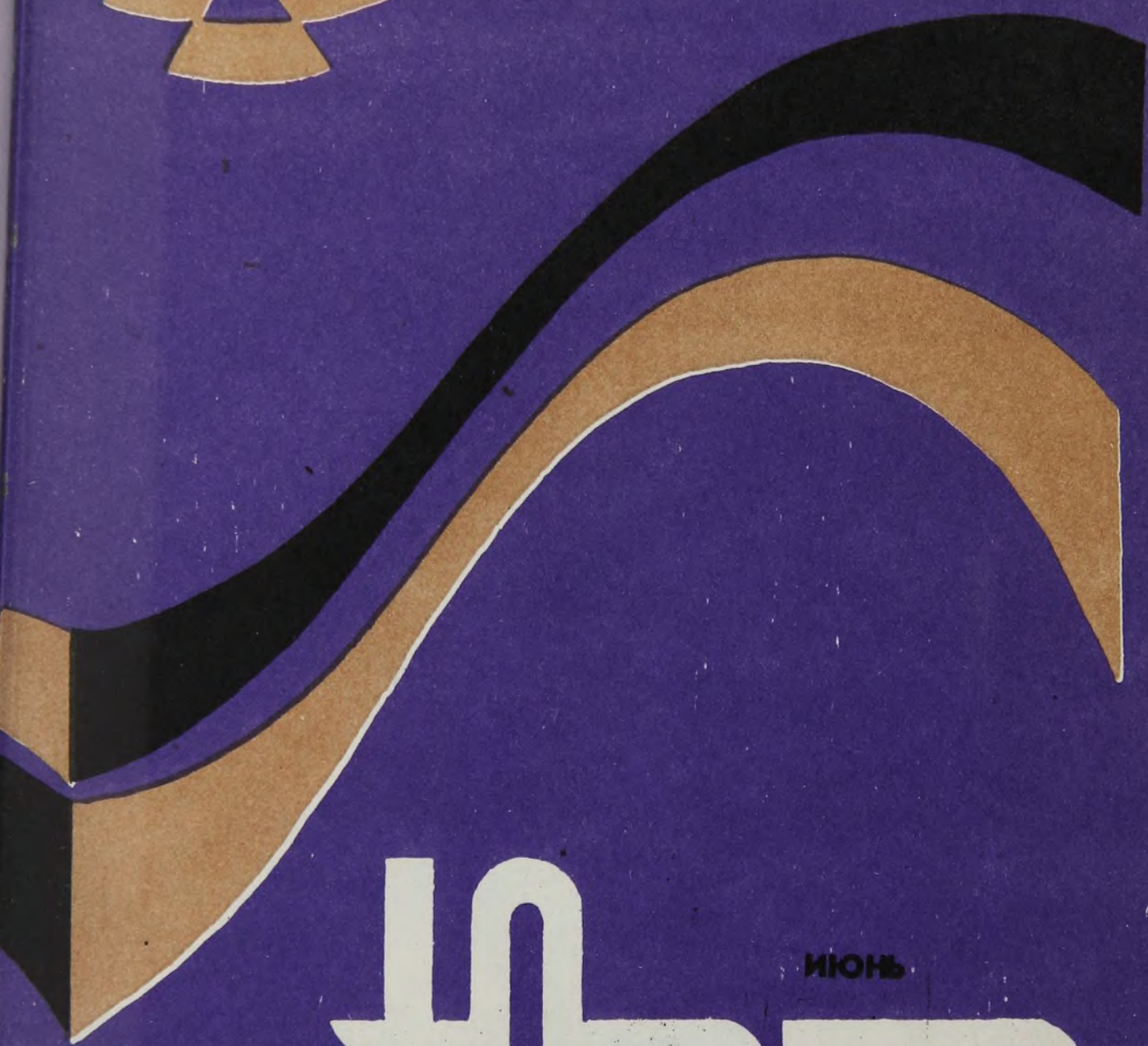

ISSN 0869—4788

ИОЗРА

ИЮНЬ

6.92

Фото Л. Березницкого.

Югра
№ 6 (8), июнь 1992.

Историко-культурный журнал.
Учредители — администрация
Ханты-Мансийского автоном-
ного округа и нефтяная ак-
ционерная компания «Аки-

Издается
с сентября 1991 г.

Выходит один раз в месяц

Редакционная коллегия:

В. К. Белобородов

(Редактор)

Н. И. Коняев

Л. В. Луцай

Т. А. Молданова

Технический редактор,
Н. Б. Баталова

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул.
К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Сдано в набор 02.06.92. Под-
писано в печать 30.06.92.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага га-
зетная. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,74. Уч. изд. л. 4,48.
Тираж 2000. Заказ № 1510.
Цена 3 р. 50 к.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть»
управления печати и массо-
вой информации админист-
рации Курганской области.
641800, г. Шадринск, ул.
Спартака, 6.

218092008

Государственная библиотека Югры

В номере:

Г. Н. Потанин. Речь на юбилее . . .	2
А. Воробьев. Неукорененность. . .	4
В автономных округах России . . .	7
С. Манец. Что оставим в наследство? .	8
Т. Козлова. На манеже — «Юность»	10
Т. Тарасова. Долги наши	13
В. Рыткин. Янтарная рыба	16
Т. Молданова. Орнамент «Крылья чайки»	17
П. Бахлыков. История, быт, культура юганских ханты (окончание)	19
В. Тарасова. Куриный бог	25
Пословицы и поговорки, собранные в Тобольской губернии (окончание) . .	27
С. Швецов. Очерк Сургутского края.	29
Н. Патрикеев. Первые литераторы и художники Югры	37
«Сибирские страницы»	39
Ю. Шесталов. Отрывок из поэмы «Духи»	40
И. Каскин. У родного Чугаса (продолжение)	43
Е. Грошева. Преждевременная экспедиция (окончание)	50
Говорите по-мансийски	57
Ю. Герасимов. Челн	60
Ю. Гордеев. Белая трясогузка . . .	62

117670

СХЛ

если русский патриотизм расчленяется на местные патриотизмы, то и русская территория должна также расчлениться на отдельные области. В каждой области должен возникнуть свой контингент местного патриотизма.

Этот процесс расчленения территории в области только еще начинается. Его задерживают, во-первых, вообще сонность жизни русского общества, во-вторых, — административные запреты. Но местный патриотизм — это великая культурная сила, и если бы развитие этого процесса шло без задержки, если бы в каждой области образовался свой деятельный контингент местных патриотов, одушевленных желанием, чтобы его область была цветущей, — сколько бы было сделано культурной работы.

Если бы это случилось, лицо русской земли сделалось бы неузнаваемо.

В настоящее время мы наблюдаем, что жизнь духовная вся сосредоточивается в столицах. Провинция — представляет пустыню. Провинциальное общество очень сонно, не реагирует на внешние события.

На границе государства совершаются грозные события, угрожающие отечеству гибелью. В столицах общество начинает шевелиться, но в провинции — никакого движения. Провинция лежит как неподвижное тело, как бы парализованное какими-то ядовитыми уколами или придавленное производящими кошмар чудовищами.

Необходимо пробудить провинцию к деятельности. Для этого необходимо помочь расчленению территории на области, расчленить и государственные финансы — разделить их на областные. Нужно пробудить в провинции творческую деятельность и в науке, и в искусстве, и в законодательстве. Необходимо университеты лишить их нынешнего бюрократического характера и из государственных учреждений превратить в областные.

Настоящие университеты совсем не отвечают тем идеалам, которые для них поставлены Пироговым. По его мысли, университет должен быть фоку-

сом, в котором сосредоточивается жизнь окружающей области. Жизнь университета должна нести на себе следы местной областной жизни. Поэтому университеты один от другого должны отличаться своеобразными чертами, а жизнь их не должна быть построена по одному шаблону.

Процесс расчленения пугает робких публицистов, они думают, что тут и конец России. Этот страх напрасный: расчленение еще не есть распадение, есть могущественная сила, которая всегда области русской территории будет удерживать в связи и единении...

Это сила — русская литература и тот духовный багаж, который создан творческим духом русской народности... Из этой власти мы никогда не выйдем. Мы всегда будем чувствовать на себе власть этой силы.

Когда в нашем обществе раздаются смелые гражданские слова, вроде слов Лермонтова — «На смерть Пушкина» или вроде толстовских — «Не могу молчать», — все русские сердца начинают волноваться до самых окраинных пределов русской территории. И как бы центробежные ручьи русской жизни ни сделались многочисленны, как бы русские области в своем стремлении к самоопределению не разошлись далеко одна от другой в своих культурных особенностях, — всегда смелый, честный, искренний голос русской публицистики заставит нас всех почувствовать, что мы один народ.

И потому, господа, напрасно не трепещи за судьбу России, в полной надежде на ее культурный расцвет и славное будущее, — снимем с нее пеленки, которые окутывают ее тело. Пусть в воздухе свободно расправятся члены этого тела.

Речь произнесена 21 сентября 1915 г. в Томске в день чествования Г. Н. Потанина по случаю его 80-летия со дня рождения.

Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Сибирский студент», 1915, № 1—2.

НЕУКОРЕНЕННОСТЬ

А. Воробьев

Чтобы вещи лучше осознавались, надо искать для них возможно более точные названия. И если попытаться предельно кратко определить то состояние, в котором находится население нашего округа, то вновь и вновь приходишь к словам «великое кочевье».

Край наш, «благодаря» его природным богатствам, стал как бы огромной, тысячеверстной улицей с двусторонним движением, местом международного «отходничества», почему и получило такое широкое хождение словосочетание «большая земля», обозначающее все, что находится за пределами Российского Севера. Вряд ли в каком-либо другом уголке страны встретишь столь часто, как здесь, человека-путника, в поношенных джинсах, куртке и сапогах либо кроссовках, свободно чувствующего себя в толпе незнакомых людей, умеющего постоять за себя и признающего естественным право силы в обиходных отношениях.

Государством за три десятка лет численность обитателей Обского Севера увеличена в несколько раз и создана своеобразная культура кочевничества. Среди ее отличительных черт — неукорененность людей, поверхностное знание природных условий, хозяйственных традиций, истории и культуры края, рваческий тип хозяйствования, неуважение интересов коренного населения, которое растворено в огромной массе новопоселенцев и составляет теперь явное меньшинство. И все это — настоящая трагедия Севера.

Автор далек от намерения огульно осуждать людей и стричь под одну гребенку всех. Цель данных заметок — попытаться осмыслить явление, нанесшее и продолжающее наносить огромный вред как, в первую очередь, Северу и его коренному населению, так, в конечном счете, и всей стране. Направлены они не на противопоставление «местных» и «пришлых», а на осознание тупиковости существующего порядка вещей и поиск выхода.

Увидеть вред нынешнего кочевничества поможет сравнение прошлого и настоящего. В прошлом сибиряки не знали, что такое дверной замок, не имели обыкновения приковывать на цепь лодку и весла, прятать все и вся под прочнейшие запоры. Ныне уважение к собственности выветрилось до такой степени, что повальное бытовое воровство, органы внутренних дел не считают за преступление. Ни разу не доводилось, например, читать или слышать о том, что найден виновник хотя бы одной из многих совершенных осенью прошлого года краж урожая картофеля из частных огородов прямо с корня. А ведь это далеко не безобидная вещь. И вот уже, по сообщениям некоторых газет, на воров, как на зверей, начали ставить самодельные ловушки. Для человека, живущего своим трудом и своим домом на виду у деревенского мира брать чужое было немыслимо, но в ситуации проходного двора это вполне в правилах игры.

И. Коровин в газете «Сургутская трибуна» за 21 ноября 1991 года

пишет: «...ягодники и браконьеры высаживаются вблизи стойбищ и уничтожают все живое, занимаются ограблением лабазов, осквернением кладбищ, повреждением орудий лова, грабежом охотснаряжения». В конце статьи он спрашивает: «Есть ли совесть и стыд у того многоклеточного существа, отымающего у нищего последний кошель?». Риторический вопрос, который может задать только свободный от цинизма оседлый человек, привыкший жить своим трудом.

В прошлом человек на Севере, как правило, за исключением политссыльных и каторжан да приехавших сделать карьеру и состояние столичных чиновников, глубоко уходил корнями в местную почву. Он ценил опыт ушедших поколений, помогавший ему прокормиться и передать землю потомству достаточно плодородной, способной обеспечить и его жизнь. Так и сейчас поступает любой нормальный человек в любой точке земного шара, если только он живет оседло.

У нынешнего северянина, увы, преобладает плоскостное зрение: он не хочет видеть ни прошлого, ни будущего, а только сегодняшний день, поэтому, вооруженный техникой, которую ему дало государство, ведет с природой, не ненавидя ее и не любя, войну на истощение, лишь бы она побольше отдала чего-нибудь измеряемого в тоннах и кубометрах, а следовательно и в рублях. Для кочевника значение сибирского рубля до крайности гипертрофировано, потому что прочие ценности (мать с отцом, родные, будущее детей, дом, хозяйство, любимые с детства уголки земли) все имеют совсем другие географические координаты. И это вполне можно понять. Только вот принять как оправдание разрушительной деятельности на чужой (да, так оно и есть и в этом все дело) земле невозможно.

Что бы ни говорили насчет высоких достоинств нашего человека, который «проходит как хозяин необъятной родины своей», каждому уголку земли для того, чтобы он был полной чашей, нужен патриот, а не равнодушный, странствующий профессионал-технократ.

Наивная и чистая вера периода первоначального промышленного освоения в грядущее процветание края, радостное восприятие зачатков будущих городов, романтизм первопроходцев, их непритязательность к житейским условиям, самоотверженность — все это обернулось в конечном счете многими разочарованиями. Нескончаемые временки, дефициты, неустроенность все время воспроизводили кочевнический быт северян. Люди уставали от своего энтузиазма, но не видели воплощения мечты о будущей красивой и счастливой жизни. Вместо «голубых городов» рождались поселения, кое-как приспособленные для удовлетворения простейших потребностей, где предлагалось видеть красоту в единообразии железобетонных домов-коробок.

Конечно, не по злой воле людей катится по снежным просторам Севера это огромное перекаати-поле, сметающее все на своем пути. Нет, люди — прежде всего исполнители колониальной политики государства, понимающие слово «надо», если оно подкреплено хорошей зарплатой и другими благами, но нередко они непрочь прикрыть этим словом все вплоть до откровенного хищничества и вандализма. Ведь известно, как хорошо быть ни в чем не виноватым солдатом. Но реальность, как ее ни объясняй, остается реальностью. И не

ради красного словца прозвучало на последнем съезде народных депутатов России предложение объявить Север районом экологического бедствия. Следовательно, где-то этот ком должен, наконец, и остановиться, потому что человечество, кажется, еще не устало жить и чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на молодые лица.

Да, безусловно, всему есть объективные причины, на которые можно сослаться. Но пора уже отделять поступок от его причин и поставить вопрос об ответственности человека, конкретного человека, иначе остановить пир во время чумы будет невозможно. Есть множество ситуаций, в которых причины, несмотря ни на что, не должны приводить к поступку и личный выбор в решающей степени должен определяться голосом совести, чести, соображениями гражданской ответственности. Стимулировать этот процесс нужно правовыми мерами **НА МЕСТНОМ УРОВНЕ**. И как бы сочувственно мы ни относились к тем тысячам екатеринбуржцев, которые ежегодно едут в Кондинский район за рыбой, птицей, пушниной, ягодами, грибами, лекарственными растениями, невозможно не видеть необходимости в правовом регулировании этого неуправляемого потока людей, которые берут у земли без отдачи. Именно такая вольная, не отрегулированная правовыми мерами жизнь и привлекательна для многих легких на подъем, не склонных к укоренению и зачастую безответственных людей.

Пора в своем «монастыре» выработать собственный устав, обязательный для каждого, кто вступает на эту территорию, и обеспечить его выполнение неотвратимыми санкциями в виде штрафов или других аналогичных мер. Это гораздо более действенный способ достучаться до совести и чувства долга человека, чем голые призывы, апелляции и публицистические разоблачения.

Нужно найти и такие правовые меры, хотя, может быть, это весьма непросто, которые бы обязывали новопоселенца не на словах, а на деле уважать местную культуру, традиции, обычаи. Приветствуя возникновение землячеств по национальному признаку, обществ украинской, татарской, немецкой и других культур, все же необходимо во главу угла ставить познание края, требовать какого-то минимума знаний местной истории и аборигенной культуры, выработанной многовековым трудом именно в этих географических условиях, как требуют знания правил техники безопасности/ от каждого, кто стал новоселом, и дать ему возможность для этого. Помочь в этом может широкое развитие культурного просветительства и, в частности, краеведения. Культура уравнивает человека и природную среду, оптимизирует их взаимодействие, воспитывает гражданина и патриота.

Кому-то сказанное может показаться слишком резким, «очернительским» обобщением. Но как рассуждать иначе? Можно ли отрицать, что сказанное здесь на самом деле происходит — и не самопроизвольно, а по воле человека? Что же тогда можно сказать о человеке, и что о нем скажут обездоленные им и духовно опустошенные потомки? Нет, пока не поздно, каждый из нас должен сделать усилие, чтобы преодолеть свою неукорененность и осознать себя землянином. Ведь земля так мала, а жизнь человечества должна продолжаться и после того, как мы уйдем.

В АВТОНОМНЫХ ОКРУГАХ РОССИИ

* * *

В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе вышел в свет очередной номер литературно-публицистической газеты «Уур», учрежденной Бурятским культурным центром. Теперь это издание будет выходить регулярно, а не эпизодически, как было раньше. В номере представлены стихи Далай-Ламы Цаньян жамсо в переводе улан-удэнского востоковеда Татьяны Малановой. С народным сказителем Пехоном Петровым знакомит журналист Владимир Мутин. Стихотворная драма для одного актера вынесена на суд читателей Иннокентием Брюхановым. Номер подготовлен к печати творческой группой «Мост».

* * *

Исполнилось 170 лет со дня рождения выдающегося бурятского ученого Доржи Банзарова. В 1842-ом году он окончил 1-ю Казанскую гимназию и поступил в Казанский университет, где успешно изучал языки, историю, этнографию центральной Азии. Как ученый Д. Банзаров воспитывался под влиянием русских востоковедов Ковалевского, Лобачевского, Савельева. Много работал над составлением учебных пособий для бурят и монголов, написал на монгольском языке «Всеобщую географию». Кандидатская диссертация Банзарова «Чёрная вера или шаманство у монголов» приковала к себе внимание столичных востоковедов. Умер ученый в 1855 году в возрасте 33-х лет, не завершив многих своих трудов.

* * *

* * *

В г. Кудымкаре Коми-Пермяцкого автономного округа открылся выставочный зал в Центре досуга. Право первым показать свои работы получил художник В. В. Можяев — автор живописных, графических работ, деревянных скульптур. Жителей округа ждут открытия новых имен, ведь отныне появилась возможность выставляться юным художникам из Дворца пионеров и школы искусств.

* * *

В Свято-Никольской церкви, возвращенной верующим, начались реставрационные работы. Художник В. А. Трубинов приводит в порядок алтарь. Свод покрыт свежей краской, оформлены панели, проложен орнамент. Впереди — наиболее тонкая работа по восстановлению сохранившихся старинных фресок. Ведется подготовка и к открытию купола, который пока замкнут двойным потолком.

* * *

В селе Верх-Иньва прошел вечер коми-пермяцкой песни. Исполнялись песни народные и на стихи местных поэтов. На вечере присутствовали композиторы Н. Пахоруков и А. Клецин. В конце праздника состоялся аукцион, вся выручка с которого пошла в Фонд национальной культуры.

* * *

В автономный округ поступила из Москвы телеграмма о создании государственной телерадиовещательной компании «Коми-Пермяцкая». Это значит, что окружное радиовещание получило статус независимого.

р. п. Усть-Ордынский Иркутской обл.
г. Кудымкар Пермской области.

ЧТО

ОСТАВИМ

В НАСЛЕДСТВО?

Задумывались ли вы над тем, как богата наша земля названиями своих сел, городов, улиц! Часто приходится удивляться таланту народа, его умению одним словом подчеркнуть наиболее существенную особенность конкретного места.

В далеком прошлом не было недостатка в благоразумных ученых, путешественниках, бережно обходившихся с названиями при составлении официально-справочных материалов, атласов и карт. Они стремились доподлинно сохранить их звуковое оформление, свойственное произношению той или иной местности. К примеру, Широково, Юган, Высокий Мыс, Банное и т. д.

Банное... В истории этой деревушки, сегодня ничем не примечательной среди многих других деревень, словно в зеркале, отразились все сложности и перипетии прошлой жизни. Находясь в выгодном географическом положении (на слиянии рек Обь и Тромъеган), Банное не раз было местом жестоких военных столкновений. Но как ни велики были материальные и людские потери, население вновь и вновь возвращалось в родные места, отстраивало свои дома, и жизнь шла своим чередом.

Но случалось, что названия населенным пунктам давались или их пере-

именовывали по воле отдельных лиц, без учета исторических и природно-географических условий. Особенно щедры были на переименования в пору «большой нефти». Так, вместо деревушки Пим появился поселок Лянторский.

Лишить село Пим его прежнего названия — это значит, потерять какую-то частицу истории, ибо пройдет время, и все связанное с упоминанием слова Пим будет понятным только узкому кругу исследователей.

Новое название Лянторский пусть и приживется лет так через десять, но все-таки оно отнимет у одного из самых старинных селений его историческое прошлое. И может случиться так, что сто лет спустя кто-то из потомков, жителей теперешнего Лянторского, читая летописные хроники, даже и на минуту не задержит своего внимания на тех или иных событиях, связанных с Пимом, так как будет считать себя лянторовцем.

Всех, кто питает большое пристрастие к переименованию населенных пунктов, хотелось бы познакомить с разумным советом Константина Паустовского: «Названия нужно уважать. Меняя их в случае крайней необходимости, следует делать это прежде всего грамотно, со знанием страны и с любовью к

ней. В противном случае названия превращаются в словесный мусор, рассадник дурного вкуса и обличают невежество тех, кто их придумывает».

Разумно ли, чтобы в нашем районе был поселок Солнечный? Неужели так мало у нас воображения, так скудна наша история?!

А сколько деревень исчезло с лица сибирской земли! Романовская Половинка, Каменный Мыс, Чалтымово, Сургутская заимка, Каркатеево... Подобные названия можно перечислять до бесконечности.

...Не стали поляки зачеркивать, скажем, такое неблагозвучное название одного из своих городов, как Свиноустье. И не стали потому, что хотят, чтобы это название постоянно напоминало людям о тех далеких временах, когда в этот небольшой портовый городишко чуть ли не со всех стран Европы съезжались купцы для покупки свиней.

Уже сейчас у нас следовало бы с помощью интеллигенции и учащихся старших классов взять на учет наиболее ценные с исторической точки зрения названия бесперспективных деревень. Ими можно было бы называть производственные бригады, отделения и участки колхозов, улицы. А чтобы будущее поколение знало о происхождении слов, применяемых в местной микротопонимике, все это нужно пояснять в соответствующих документах и материалах, которые будут храниться в музеях.

А почему бы нам не присмотреться и не позаимствовать опыт москвичей и ленинградцев, бережно относящихся к прошлому своих городов, которое богато отражено в названиях их улиц! Правда, в одно время в городе на Неве вдруг увлеклись переименованием старинных улиц и площадей. Одно за другим стали исчезать такие названия, как Невский, Литейный, Владимирский проспекты, Дворцовая площадь, Садовая улица и т. д. Но это «новаторство» возмутило ленинградцев, и проспектам были возвращены их старые имена. Так что, если и мы по каким-то обстоятельствам понесли в прошлом урон в исторических названиях городских улиц, то в наших силах что-то изменить. А урон, конечно, есть. Взять

хотя бы исчезновение таких названий улиц Сургута, как улица Красных партизан, Народная, Красноармейская, Февральская, Мартовская, Зырянова, Кайдалова, Троицы.

Сегодня улиц с историческими названиями в нашем городе осталось мало. Зато те, что сохранились, помогают нам лучше разобраться в прошлом.

Каждому жителю Сургута дорога память об известном народном учителе А. С. Знаменском. Казалось бы, почему не назвать его именем красивую улицу в любом строящемся микрорайоне города? Но сделано по-другому. Вдумайтесь в названия улиц: Островского, Маяковского, Лермонтова, Пушкина, Бульвар писателей... Со стороны можно подумать, что в нашем городе живут одни лишь писатели.

Хотелось бы затронуть и такую важную проблему, как однотипность в названиях улиц наших сибирских городов и поселков. Да разве же нет у наших населенных пунктов чего-то особенного из прошлого и настоящего, в рельефе местности, образе жизни, что заслужило бы отражения в названиях улиц? Конечно, есть. Все дело в том, что это отличительное нужно уметь выделить, что, разумеется, труднее сделать, чем подобрать что-то трафаретное. К примеру, у нас в Сургуте две улицы Декабристов.

Я считаю, что над названием улиц не только больших и средних, но даже и малых городов нужно думать так, как думает художник над названием своего творения. Было бы хорошо привлекать к этому делу широкие круги общественности, объявлять специальные конкурсы на страницах газет. В Польше, например, есть и такой опыт: названия новым улицам, кинотеатрам иногда придумывают дети, потому что детская фантазия богата, меньше связана со смысловыми штампами.

Очень хочется, чтобы то, что напишем мы, не перечеркивало написанное другими, теми, что были до нас, не менее достойными, чтобы оно оставалось прекрасной строкой, в которой грядущее читало бы свою историю.

С. Манец,
учитель истории.

На манеже — «Юность»

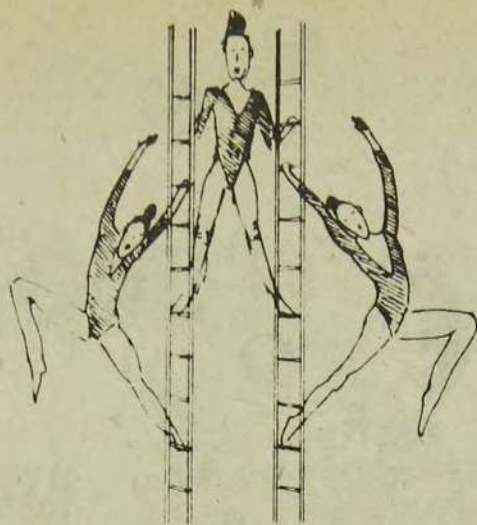

Все было восхитительно. На сцене городского дома культуры шло цирковое представление «Бременские музыканты». Вернее сказать, не на сцене, а во всем помещении, включая зрительный зал и все пространство от пола до потолка, и сам потолок. Там, вверху, раскинулся рукотворный лес, в котором демонстрировали чудеса ловкости разбойники и пел влюбленный Трубадур. Под самым потолком маленькая хрупкая девчушка проделывала умопомрачительные трюки над головами зачарованных зрителей...

В сентябре урайскому народному цирковому коллективу «Юность» исполняется 10 лет — событие знаменательное для культурной жизни города, если учесть, что при нашей бедности, всеобщем упадке зрительского интереса урайский детский цирк пользуется непреходящей любовью публики. Коллектив и теперь по-прежнему жизнеспособен, полон творческих сил, ежегодно представляет новую программу, причем всегда оригинальную, поставленную на более высоком витке мастерства и артистизма.

В начале 1992 года представлением «Бременские музыканты» «Юность» подтвердила звание народного коллектива, а его руководитель Зоя Демьяновна Манаева защитила диплом режиссера народного театра в институте культуры.

Цирк в Урае начался с Манаевой. Она приехала с твердым намерением создать цирковой коллектив, и ее не смутило ни то, что на 40 тысяч жителей в Урае имеется всего один, ведомственный, дом культуры, выстроенный из соображений экономии, как считают местные остряки, по проекту сельских

ремонтно-механических мастерских, ни то, что вообще отношение к культуре у нас, как, впрочем, и во всех северных городах, как к досадному, но, увы, неизбежному довеску к нефти. Я помню то лето, когда Зоя Демьяновна оборудовала в доме культуры «Нефтяник» цирковую площадку, тренировочный зал, собирала снаряды, объясняла токарям, какие детали надо выточить и как. Еще не было коллектива, город замер на период летних отпусков, а она уже предвидела и готовила успех первого представления ее цирка. Наша общественная система, сопротивляющаяся пользе и разумности, породила уникальный тип людей, созданных преодолевать трудности и созидать на пустом месте, совершая при этом нравственный подвиг в среде социальной апатии.

Все было так, как задумала Манаева: осенью пришли к ней дети по объявленному набору, отработали первую программу, показали ее зрителям и получили признание. Зоя Демьяновна ставила номера и сама работала на сцене. По своему цирковому амплуа она воздушная гимнастка на трапециях, а в Урае занялась жонглированием. Этот трудный жанр почему-то показался ребятам непривлекательным и тогда жонглером решила стать педагог. И все получилось. На первом показательном выступлении в Тюмени боялась, что жюри «зарезет», поскольку по законам цирка жонглирование и воздушная гимнастика несовместимы, а Зоя Демьяновна выступала в обоих жанрах. К счастью; напротив — оценили. Вслед за руководителем жонглерами стали многие способные ребята.

Манаева — хороший педагог, успехи ее учеников — это результат тех открытий детских возможностей, которые лежат где-то на стыке искусства и педагогики. Советский лингвист В. В. Иванов писал: «Я уверен, что каждый ребенок, не вундеркинд, а нормальный ребенок — может невероятно много, а мы косным подходом, неумелым преподаванием как бы забиваем его потенции, шлифуем его изначальную гениальность до гладкой заурядности».

Кажется, Зоя Демьяновна на практике подтвердила правильность этого предположения, поскольку ее ученики не являются избранными. Она берет в студию детей с четырех лет, практически никому не отказывая, при этом объясняет родителям, что будет нелегко. Ребенка придется «гнуть, растягивать, ломать», а это не очень приятно. Но если родители готовы работать вместе с педагогом, дело пойдет. В противном случае — не следует начинать.

Те, кто приходит в студию Манаевой, остаются здесь надолго. К примеру, десять лет с коллективом Иван Смирнов, Альбина Абдулаева, Геворг Габриэлян; став взрослыми, они продолжают работать вместе с малышами. Четыре года занимаются 30 школьников в детской подготовительной группе «Надежда» и ни один не ушел, хотя требования жесткие: за три пропуска занятий

— отчисление, работать — с полной нагрузкой, обязательно иметь свои номера и т. д. Но приятно не меньше. Во-первых, сцена. Ее самозабвенно любят все, представление — большой праздник для артистов. Во-вторых, в коллективе сложились свои традиции. Это и совместные праздники по случаю дней рождения, и загородные встречи с непременно приготовлением борща по рецепту Зои Демьяновны (она отлично готовит, и ребята оценивают это по достоинству), и лыжные походы, и ведение стихотворного дневника во время гастролей. Ничего нового здесь нет, нечто подобное может быть в любом коллективе, вот только не часто в центре всего этого стоит личность.

На занятиях у Манаевой — атмосфера творческой сосредоточенности, нет лишнего шума, шалостей и капризов. Увлеченно работают дети разных возрастов, каждый занят. Руководитель замечает и леность, и несобранность, но вслух говорит о трудолюбии, настойчивости, дисциплинированности. Такой подход позволяет ей добиться интимного контакта, создать атмосферу доверия и ответственности. К тому же, учеников заражает энтузиазм учителя. Наблюдая за работой Манаевой, начинаешь понимать, что толкает ее за нищенскую зарплату выполнять такую работу. По-моему, это стремление к творческому взаимопониманию. Зоя Демьяновна поставила перед собой задачу воспитать единомышленников и добилась этого.

Детский народный коллектив «Юность» уже 10 лет любим зрителями и не только в Урае. Юных артистов тепло принимают Ханты-Мансийск и Салехард, Ноябрьск и Ямбург, Сургут и Нягань. Циркачей из Урая знают в Краснодарском крае, выступали они на сценах Москвы и в самых отдаленных кондинских деревнях. Ученики Манаевой успешно обучаются в Киевском и Московском цирковых училищах, работают в столичных труппах.

В последнюю нашу встречу Зоя Демьяновна сказала, что хотела бы стать директором дома культуры, что она знает, как надо организовать эту работу, чувствует к ней вкус.

— Тем более, — говорит Зоя Демьяновна, — сейчас многое разрешено, можно придумывать, действовать и зарабатывать деньги.

— А как же цирк?

— Вот это меня только и останавливает, коллектив терять не хочется.

И действительно, сколько на нашей памяти случаев, когда подобные творческие коллективы умирали, как только уходил руководитель-личность. Но сегодня урайский детский цирковой коллектив в расцвете творческих сил и нет оснований для грусти.

Рис. Н. Гордеева

ДОЛГИ НАШИ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СЕЛА

1.

Шаим — старинное мансийское село. Некогда здесь жили крепкие хозяева, место было богатым и привлекательным. Леса кормили грибами, ягодами, давали пушнину. Река и озера славились рыбой. Кроме того, летом в окрестностях росли богатые травы, поэтому в каждом дворе на худой конец держали по одной корове, обзаводились лошадьми. Через Шаим проходила дорога в Гаринский район, по ней шли обозы на ярмарку. По зимнику местные жители тоже возили туда рыбу, меха, клюкву, меняли свой товар на хлеб и сахар.

Была в селе церковь, построенная в традициях северного зодчества из крепкого дерева; дом сохранился до наших дней, сейчас в нем сельский клуб. Позднее появилась школа-интернат, в которой учились ребяташки из соседних деревень. Работой шаимцев обеспечивала звероферма, где содержались черно-бурые лисы.

Умирание Шаима началось, как считают старожилы, не с приходом нефтяников в 60-е годы, а значительно раньше, с момента укрупнения колхозов. Председатель Шаимского сельсовета И. С. Анкин первым отчаянно выступил против политики укрупнения, за что и был изгнан с должности.

Свою лепту в разор села, конечно же, внесли нефтяники. Первую геологическую экспедицию колхозники приняли с присущим сибирскому характеру

гостеприимством. Геологов вместе с семьями приняли в свои избы, делились с ними молоком, картошкой. Когда появились буровые вышки и начал расти Урай, молодежь потянулась к нефтяникам. Манил длинный рубль, романтика нефтяных промыслов, роскошь городской жизни. В середине 60-х годов непрестижной была деревенская прописка, дошло до того, что молодежь стеснялась своей национальности. Многие коренные манси в паспортах записывали себя русскими, напроць отрекались от родного языка.

Пустели дворы, ветшали старинные дома, своего рода развлечением, порой переходящим в разбой, становился охотничий и рыбацкий промысел. С годами это укоренялось, как и злоупотребление спиртным и праздность. Даже, данные режимом вахтового метода работы, свободные недели и месяцы не употребляются новым поколением шаимцев в пользу укрепления деревенского хозяйства, а растрачиваются в безделье и пьянстве. Немногие урайские вахтовики живут в Шаиме богатым хозяйством. В основном скудные продукты везут из Урая, жилье неухоженное, без прежних палисадников, улицы зимой занесены снегом, летом тонут в грязи.

Сегодня в Шаиме десятка два домов да 80 жителей, в основном старики, и разговор о них особый.

2.

...Как долго тянется зима в Шаиме, как тягостны ночи и тоскливы дни, если ты стар, немощен, одинок. Если домишко твой часквозь продувают ветры, если печка не держит тепла, а бесконечная война со снегом все равно закончится твоим поражением. Старики

Человек на земле

Шаима, горькая старость ваша под стать судьбе разоренного села!

П. С. Путилову нет еще и 60, но настиг бывшего тракториста паралич. Способности передвигаться не потерял, но пропало зрение. В болезни и одиночестве стал Павел Степанович совсем беспомощным. Жену похоронил несколько лет назад, и если бы не Александра Даниловна, пропадай человек!

Дом у А. Д. Колмаковой с виду крепкий, ворота новые, крыльцо высокое. Сама хозяйка тоже еще не старуха, но тяжелая, беспросветная работа с 14 лет на колхозных полях и в рыбацких артелях наложила на женское лицо свою печать. Однако Александра Даниловна продолжает привычно трудиться, наводит чистоту и порядок в доме, имеет кое-какое хозяйство. Дети живут в соседнем селе, о матери не забывают. Вот около этого дома и пригрелся Павел Степанович. Соседка ему щи-кашу сварит, блинами угостит, бельишко состирнет, расскажет, что по телевизору показывают. Вместе легче длинные вечера коротать. И своя беда около чужой легче кажется.

В малолюдном Шаиме старикам и больным помощи ждать неоткуда. Районный отдел социального обеспечения в далеком Кондинске, куда, кроме как на АН-2, не на чем добираться. Никто из пенсионеров и не рискует отправиться в это нелегкое путешествие. Есть в соседнем селе Чантырья сельский Совет, но с малыми просьбами старики туда не обращаются — привыкли на себя полагаться. А за что-то сложное Совет и сам не берется, не под силу ему. Правда, с дровами, если уж совсем от шаимцев отбою не станет, председатель помогает.

Для Г. И. Зыряновой дрова — главная забота. Ведь Глафире Ивановне за 80. Лицо у нее доброе, глаза ясные, волосы аккуратно зачесаны. И вся она какая-то светлая, про таких говорят: благодать от нее исходит.

Старушка — большая охотница пошу-

тить, иначе бы не выдюжить в этой жизни, где война была не самой большой бедой. Уже после похоронила троих взрослых детей, оставшись на белом свете совсем одна.

— А что сделаешь! Трудно, а деваться некуда. Жизнь сменить нельзя, какая есть, такая и есть. Душа моя держится на хлебе, хлеб дают, копейку дают — вот и живем, тянемся понемножку. С голоду не помрем! Хоть досыта не накормят, с голоду не заморят, — смеется Глафира Ивановна.

Хлеб в этом доме — действительно основное блюдо на столе. Картошку хозяйка садить-копать уже давно не в силах, овощей в Шаиме не продают. О таких продуктах, как молоко, сметана, творог, старики давно забыли. В магазин не привозят, а коровы в Шаиме наперечет. И купила бы Глафира Ивановна на свою копейку, да негде. В старушкиной копейке, кстати, смысл особый. Рублик к рублику складывает она свою пенсию, бережет, чтобы расплатиться за вымытый пол, расколотые дрова, очищенный от снега дворик. Сейчас, когда рубль не в почете, а больше идет обмен товаром, трудно придется Глафире Ивановне — менять ей нечего.

А. А. Трещихина проработала в кондинских деревнях более 30 лет учительницей. Давно на пенсии, но за работу держится. Анна Алексеевна заведует старым неухоженным клубом, куда собирается раза два в неделю на очередной киносеанс два десятка ребятшек.

Заведующая клубом полна жизненной энергии, неустанно борется за светлое будущее и точно знает, что вся беда от водки. Иногда на старушку нападает тоска по тем временам, когда она была сельской активисткой и устраивала концерты на маленькой сцене клуба при полном зрительном зале. Она была непременным агитатором во всех выборах. И вообще Анна Алексеевна умела сочетать общественную работу и ведение хозяйства при семерых детях.

Человек на земле

— Я ни о чем не жалею, — рассуждает бывшая учительница, — жизнь прожила замечательно, задумываться о чем-то было некогда, больше трудилась и не падала духом.

Есть у Анны Алексеевны мечта в свой клуб провести паровое отопление, чтобы зимой односельчане заглядывали на огонек. А. А. Трещихина — оптимистка, тропа ее торная и прямая, как она сама...

3.

Ход времени в наших деревнях подобен старинным часам: не очень-то точно, поскрипывая, но идут. Конечно, хочется жить лучше, однако страшит любая перемена.

Как во всяком селе, есть в Шаиме свой сельский философ, он не из стариков, а совсем молодой человек. Василий Петрушкин мучительно ищет ответ на вопрос: как сохранить родной Шаим!

— Сложно выжить, когда жизнь ничего не стоит. Но в городе труднее, там каждый один. В деревне природа помогает. Вышел в лес, вокруг тебя деревья, речка рядом. Хотя и здесь всякий только на себя рассчитывает.

Это точное замечание. Сельские жители, может, раньше других поняли, что полагаться нужно только на себя и не питать никаких иллюзий. Собрались девять шаимцев и создали сельскохозяйственный кооператив «Кедр», в котором Василий работает на пилораме. Кооператоры решили разводить свиней, кроликов, собирать ягоды, грибы, готовить пиломатериал. И хотя дела в кооперативе идут пока неважно, местные жители возлагают на него большие надежды. Имеют кооператоры поддержку местного Совета, правда, только в виде доброго отношения или бумаги, отправленной с очередным прошением в Кондинское, к районной администрации.

Еще один штрих к портрету Шаима. Председателем сельскохозяйственного

кооператива пригласили человека из Урая. Среди местных не нашлось ни одного, способного возглавить предприятие.

Появились в последнее время в Шаиме новоселы. Вера Шимова — родом из этого села, давно мечтала стать хозяйкой деревенской усадьбы, хотя имеет благоустроенную квартиру и немалый земельный участок в Урае. Весной 1991 г. семья Шимовых с детьми переехала в поселок, супруги построили времянку, обзавелись хозяйством. Лето провели в заготовительных и строительных работах. Поставили около 10 тонн сена, разработали огород, отстроили флигель. Вера называет это добротное строение с просторным подвалом летней кухней.

В ближайшие два-три года Шимовы на большую прибыль от хозяйства не рассчитывают, хотя себя уже сейчас обеспечивают полностью. А там, если дела пойдут в гору, надеются разбогатеть.

На берегу Конды под старым тополем стоит в лесах еще одно деревянное сооружение. Большой дом ставит семья Терещенко. Саша Терещенко не из здешних мест, по окончании Московского пушно-звероводческого техникума он приехал в Шаимское промысло-охотничье хозяйство работать штатным охотником. Обзавелся семьей и решил остаться надолго.

А вообще наши кондинские деревни могли бы, кроме традиционных промыслов, жить и туризмом. Места здешние завораживают своей природой. Привлекают внимание и сохранившиеся старинные строения из черных бревен. В июне стоят над ними белые ночи, полные блеска.

Но о туризме здесь пока не думают. Надеются на собственную лодку, на лес, на себя. И радуются, если повезет достать кубометр досок, купить бензин и сахар...

Т. Тарасова

ОРНАМЕНТ «КРЫЛЬЯ ЧАЙКИ»

В АРИАНТЫ узора сури тухал («крылья чайки») являются сегодня одними из самых популярных и бытуют они, во-первых, на всех без исключения материалах — мехе, бересте, бисере, коже, сукне, ткани, а во-вторых, встречаются по всему бассейну реки Казым.

Разговор об этом орнаменте хотелось бы повести в несколько ином русле, чем изложение материалов предыдущих публикаций — используя его как конкретный пример ничтожно малой части всего обско-угорского орнаментального фонда, показать исторический аспект существования орнаментальных мотивов, их развитие.

Применяемые сегодня орнаменты казымские мастерицы делят на несколько различных типов. При этом существенным признаком классификации является деление узоров на старинные (йис ханшет) и современные. К старинным орнаментам, по мнению мастериц, относятся только узоры 1 — ай сури тухал («крылья маленькой чайки») и 4 — вон сури тухал («крылья большой чайки»).

Если теперь обратимся к опубликованным источникам по орнаменту, то можем наблюдать следующее. И. Н. Шухов («Из отчета о поездке весной 1914 года к казымским остякам», сб. МАЭ, т. 111, Пг, 1916, с. 103—112), который был у казымских ханты в 1914 году и делал зарисовки мотивов, вовсе не показывает существование данного орнамента, а пишет о том, что излюбленными мотивами являются рога оленя и лося (в настоящее время редко встречающиеся), затем — стилизованные изображения соболя и ветвей березы (их популярность сохранилась).

В. Н. Чернецов в обобщающей статье «Орнамент ленточного типа у обских угров» (СЭ, 1948, № 1, с. 139—152), где рассматривал вопросы генезиса ленточного орнамента, его роль и семантику, уже показывает орнаменты 1 и 4, как наиболее типичные образцы ленточного полосового орнамента. Других узоров из вариантов приведенных на нашем рисунке, он не показывает.

Названия вариантов узора крылья чайки следующие:

- 1 — ай сури тухал — крылья маленькой чайки,
- 2 — ай сури тухал паялак — крыло маленькой чайки,
- 3 — ай сури тухал пушанга — двойные крылья маленькой чайки,
- 4 — вон сури тухал — крылья большой чайки,
- 5, 7, 8 — вон сури тухал пушанга — двойные крылья большой чайки,
- 6 — вон сури тухал кут эвалт — крылья большой чайки незаконченные.

Итак, в вариантах узора «крылья чайки» как по представлениям мастериц, так и по историческим источникам, основными старинными вариантами являются орнаменты 1 и 4. Далее мы можем наблюдать, каким образом происходит изменение мотива орнамента при сохранении его названия. Из узора 1 возникает 2 — «крыло маленькой чайки» — путем незавершения основного узора и 3 — «двойные крылья маленькой чайки», здесь используется прием добавления элементов. Из основного орнамента 4 появляется мотив 5 — «двойные крылья большой чайки», если элемент из двух условных клеток на концах «крыльев», направленный по диагонали листа вниз к центру симметрии орнамента, переместить, приставить на клетку выше «головы» чайки и направить по диагонали листа вниз и от центра симметрии. Из 5 возникает 6 — «крылья большой чайки незаконченные» и 8 — «двойные крылья большой чайки», из узора 8 появляется орнамент 7. Здесь преобразование узора 5 и 8, а последнего в 7 довольно сложные, однако казымские мастерицы эти изменения объясняют довольно четко.

Вывод из вышесказанного следующий. Народная память хранит сегодня не только все богатство бытующего орнамента, но и осознает историю его возникновения и фиксирует этапы его развития.

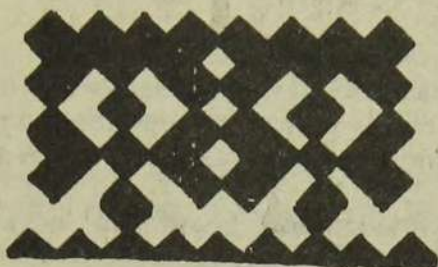
Т. Молданова

1

2

3

4

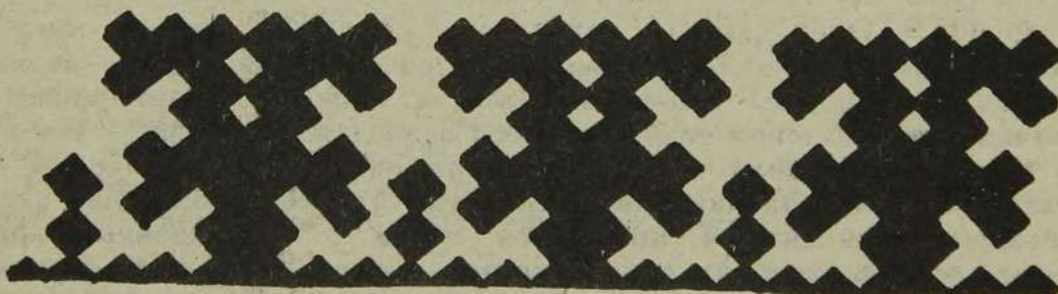
5

6

7

8

Варианты узора «Крылья чайки»

П. Бахлыков

ИСТОРИЯ, БЫТ, КУЛЬТУРА ЮГАНСКИХ ХАНТЫ

Домашняя утварь

ДЛЯ изготовления домашней утвари ханты применяют в основном дерево, кость, коренья, древесную кору, шкуры, камыш и травы, а теперь и металлы.

Кухонную посуду, необходимую для приготовления пищи и ее хранения, изготавливали в основном из дерева и бересты. В такой посуде хорошо сохраняются продукты. В прежние времена занимались гончарным делом. Даже когда появилась возможность приобрести медную посуду, не утратилась необходимость изготавливать традиционные вещи для домашнего обихода.

Большие и малые деревянные блюда, чашки, ложки, поварешки — все они имеют изящную форму, некоторые детали украшены орнаментом (берестяные чашки, набирки, кузова). Кузова делаются из бересты. Они могут быть заплечные, объемом в два-три ведра, но перед рюкзаком имеют то преимущество, что в кузове ничто не мнется и хранится гораздо дольше, будь то ягоды, рыба или мясо. Кузовки могут быть и малого размера, все они с крышками и украшаются орнаментом путем скобления или накладными прорезными деталями. Готовились и большие бере-

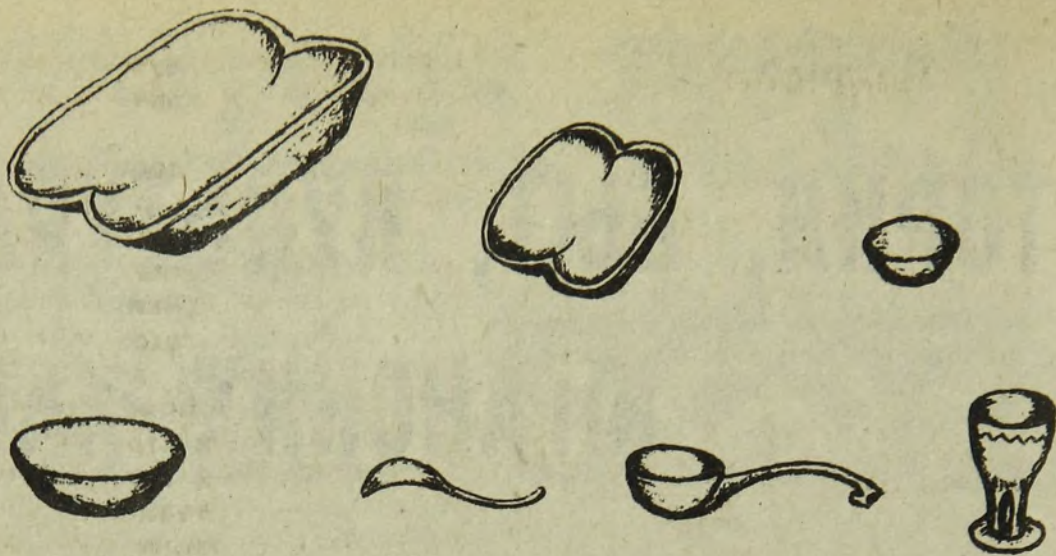
стяные короба, в них хранили муку, сушеные ягоды и прочие продукты питания, а также вещи.

Из коры березы изготавливали табакерки, украшали их орнаментом, набитым специальными костяными клеймами. С использованием коры пихты, бересты и деревянных обручей мастерили великолепные орнаментированные шкатулки для хранения мелких вещей рукодельницы.

Особого внимания заслуживают корневатики — великолепные произведения искусства. Изготавливают их из специально заговленных корней кедра способом плетения, при этом достигают высокого мастерства. Они могут быть разной формы и величины, в них ханты хранят свои мелкие сокровища.

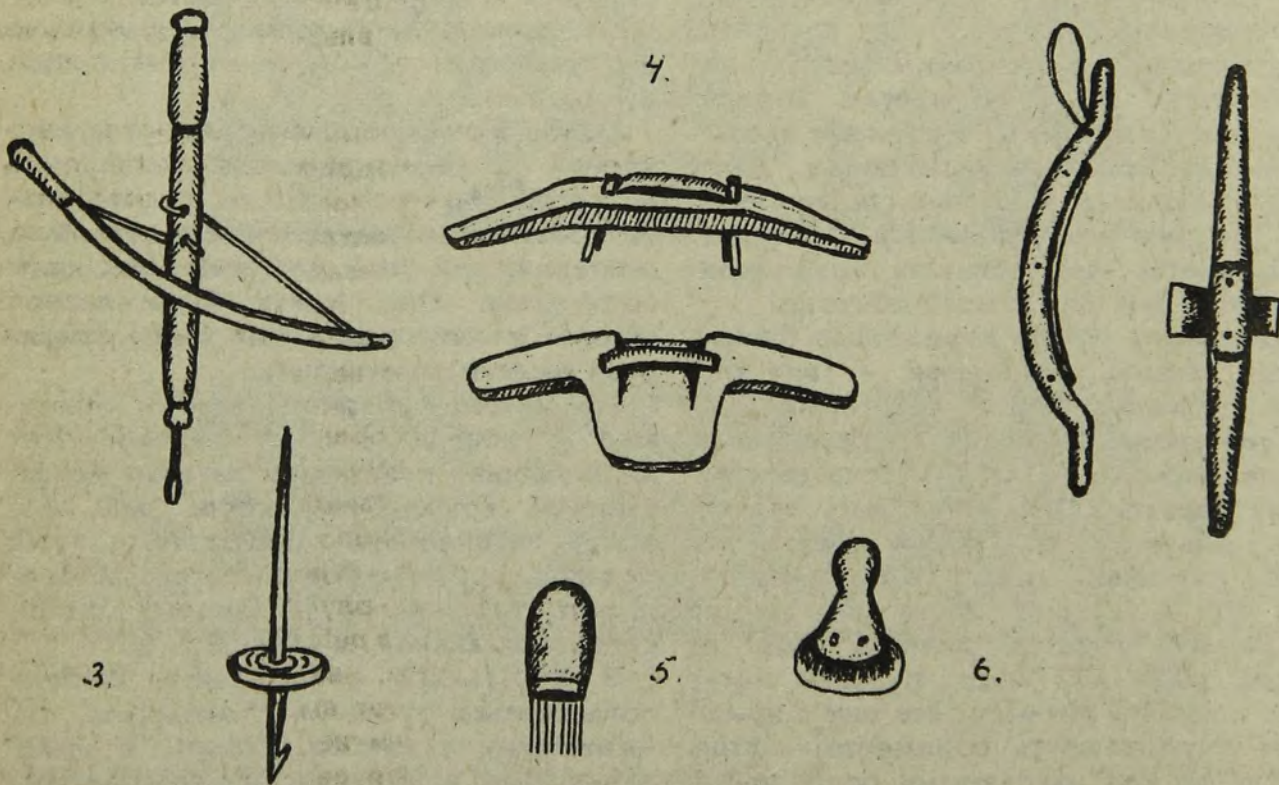
Из дерева и бересты делают походные и ночные детские люльки. Для изготовления некоторых бытовых вещей успешно применяется кость, она проходит специальную обработку и тоже украшается разным орнаментом. Мебель строят в основном из дерева: столы, стульчики, скамьи, шкафы и т. д.

В XVIII—XIX веках ханты любили пользоваться русскими самоварами, выменянными у купцов. Теперь, к сожалению, они лишены этого удовольствия: не стало в продаже паровых самоваров.

1.

2.

1 — Кухонная посуда (дерево); 2 — Сверло-дрель; 3 — Веретено;
 4 — Наструга; 5 — Расческа; 6 — Скобель; 7 — Большие скобеля.

Творчество

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ искусство юганских ханты наибольшее выражение нашло в изготовлении орнаментов по бересте, кости, ткани и меху. Орнаменты имеют названия: «рога оленя», «заячьи ушки», «табун гусей», «комары», «ветка березы» и так далее. Орнаменты на бересту наносятся путем скобления. Снимается один слой, имеющий темный цвет, обнажается при этом светлый — таким образом, два цвета определяют рисунок без применения красок. Иногда используют и красители. Орнаменты на бересте выполняются также в виде аппликаций.

Для нанесения орнамента с помощью набивки используются специально изготовленные из кости различные штампы. Детали из кости и дерева украшаются резьбой с помощью ножа, сверла, прожиги и других инструментов. На отдельные части одежды нашиваются из ткани аппликации из меха и искусно украшаются набором из бисера, пуговиц и других мелких вещей. Художественным оформлением кости, деревянных и металлических изделий, гравировкой, штамповкой и тиснением по бересте занимаются мужчины, а орнаментация мягкой утвари, одежды, бересты входит в обязанность женщины.

Красота изобразительного искусства достигается мастером без каких-либо трафаретов или рисунков, все делается на глазок и определяется фантазией художника, что приводит нас в восторг и удивление. Из дерева и кости, а иногда из глины мастерились детские игрушки. Изображались в основном люди, звери и птицы. Изображения животных часто можно встретить на некоторых деталях оленьей сбруи, посуде и других вещах.

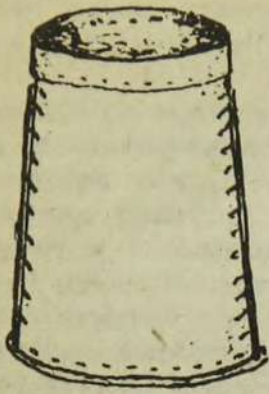
С волнением смотрели люди на первую стаю лебедей. После долгой изнурительной зимы с трепетным замиранием души слушали они музыку журавлиной стаи, тетеревиных токов, трели лесных барабанщиков. Отложив многочисленные дела, забыв о лишениях и невзгодах, брали женщины в свои натруженные пальцы инструмент.

Сначала робко, неуверенно, затем продолжительно и ровно лилась тихая музыка.

Этот один из древнейших музыкальных инструментов, распространенный во многих уголках земли, давно появился на югорской земле. Костяной инструмент «томра» прикладывается к губам и с помощью сухожильной нити музыкант извлекает звуки. Полость рта служит резонатором, вибрирующий костяной язычок инструмента издает определенный звук. Если нужно, музыкант вводит свои горловые звучания и может добиваться имитации голосов птиц и зверей. Томра считается женским инструментом, и надо полагать, что этим инструментом владели почти все женщины. О многом поет томра; о неудачах и удачах в охоте, о рыбном промысле, о счастливой семье, детях, о хорошем, удачливом охотнике-муже. Поет о небе, воде, лесе, о лучшей жизни в потустороннем мире. Долго поет томра, о многом поведаст, о многом вспомнит и расскажет. К великому сожалению, теперь среди юганских женщин всего лишь несколько владеют этим древним инструментом.

«Нын-юх», хантыйская скрипка, изготавливается из кедрового ствола. Струны и смычок из конского волоса. Для натирания смычка употребляется древесная смола. Как и полагается, скрипке, колки из дерева. Вырезанная внутренняя часть накрывается тонкой декой, в которой иногда бывают отверстия.

В отличие от общеизвестной скрипки, скрипка ханты звучит тихо, однообразно, уныло. Но представьте удобно усевшегося музыканта около вечернего костра, позади которого гудят многочисленные комары, сверху опустили к нему свои ветви деревья, а в дебрях леса притаились звери и птицы, ветер спрятался за горизонтом. И вот вы почувствуете, что эта музыка среди лесной тишины самая настоящая. Самая верная, самая гармоничная. Только она должна звучать, не тревожа, не мешая думать, мечтать — музыка, говорящая о вечности, о неразрывной связи человека и природы, прекрасная музыка! Казалось, быть ей вечно, но.... Современники забыли и

1

2

3

4

5

6

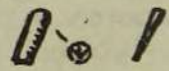
7

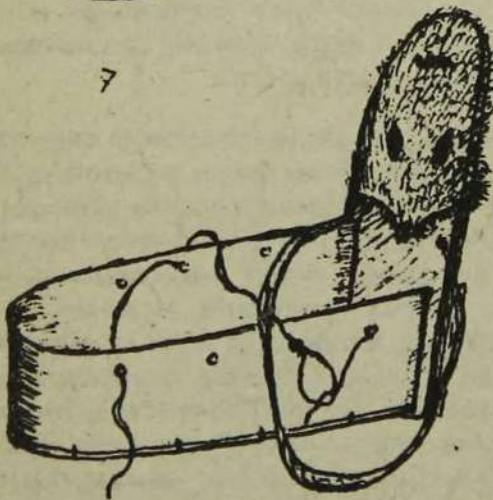
7

8

9

10

11

1 — Короб; 2 — Кузов; 3 — Набирка; 4 — Куженька; 5—6 — Корневатки; 7 — Шкатулка; 8 — Табакерка; 9 — Штampы; 10 — Люлька; 11 — Люлька ночная.

этот удивительный инструмент. Сегодня среди юганских ханты остался всего лишь один музыкант, Петр Купландеев. Несмотря на свои преклонные годы, он ездит на областные, окружные фестивали, а в 1988 году побывал со своей скрипкой на Московском международном фольклорном фестивале. Старательно танцует, выворачивая по-медвежьему пятачки меховых кисов, размахивая полами «гусы», припевая при этом свою, ему только известную песню. А разогревшись, на ходу сбрасывает с себя верхнюю одежду и ритм танца усиливается, на смену ему приходит другой. Музыка звучит и звучит, словно малая таежная речка. И плывет по той речке маленькая ладья, ладья-инструмент, ладья-музыка.

«Наркас-юх» — очень древний инструмент, похожий на лодку. У него большой резонатор 80x20 см., дека, пять сухожильных струн. Возможно, что это прародитель гуслей, или, наоборот, происходит от них — так или иначе манера держать инструмент, прищипывать струны, другой рукой тонировать звуки такая же, как при игре на гуслях. Лицо музыканта вдохновенное, серьезное, он бросает короткий взгляд на плясунов, а больше на струны, стараясь не сбиться. А если исполняет соло да сам и поет, о-о! Это великолепно! Мне посчастливилось еще видеть и слышать такое, но сегодня уже никто на этом инструменте на Югане не играет.

«Тоорых-юх», этот еще один прекрасный древний инструмент, предан также печальному забвению. У обских хантов

он назывался «лебедь». Юганские ханты чаще наблюдали за журавлями — за их песнями, танцами. Делали журавлиные маски, надевали их на медвежьем празднике, имитировали танец журавлей. И этот музыкальный инструмент называли «журавлем». Они приподняли и заострили ему нос, и, в отличие от лебедя, покрасили в темный цвет. Этот инструмент внешне очень напоминает арфу в уменьшенном виде, у него девять сухожильных струн, которые дают великолепную гамму звуков.

Музыкант, запрокинув свою лохматую, седую голову, задушевно поет вечную песню, аккомпанируя сам себе. Он сам изготовил инструмент, сам сочинил свои песни, сам их поет. Хороший мастер! Да, мастера были, а где они теперь? Почему их нет? Почему все так произошло? Почему не стало столь прекрасных инструментов? Часто задумываешься и задаешь себе такие волнующие, затрагивающие душу вопросы. А ответа нет.

Хантыйские музыкальные инструменты можно сейчас увидеть лишь в музеях. Возродятся ли они вновь? Кто должен взять заботу об этом на себя? Сами ханты или им нужно помочь? Да, если не поможем, — не возродятся. Давно уже не слышат юганские берега свою музыку. Будем надеяться, что она еще зазвучит. Будут петь свои песни журавли, лебеди, будут продолжать их песни люди, живущие по берегам этой богатой и красивой реки.

(Окончание в следующем номере).

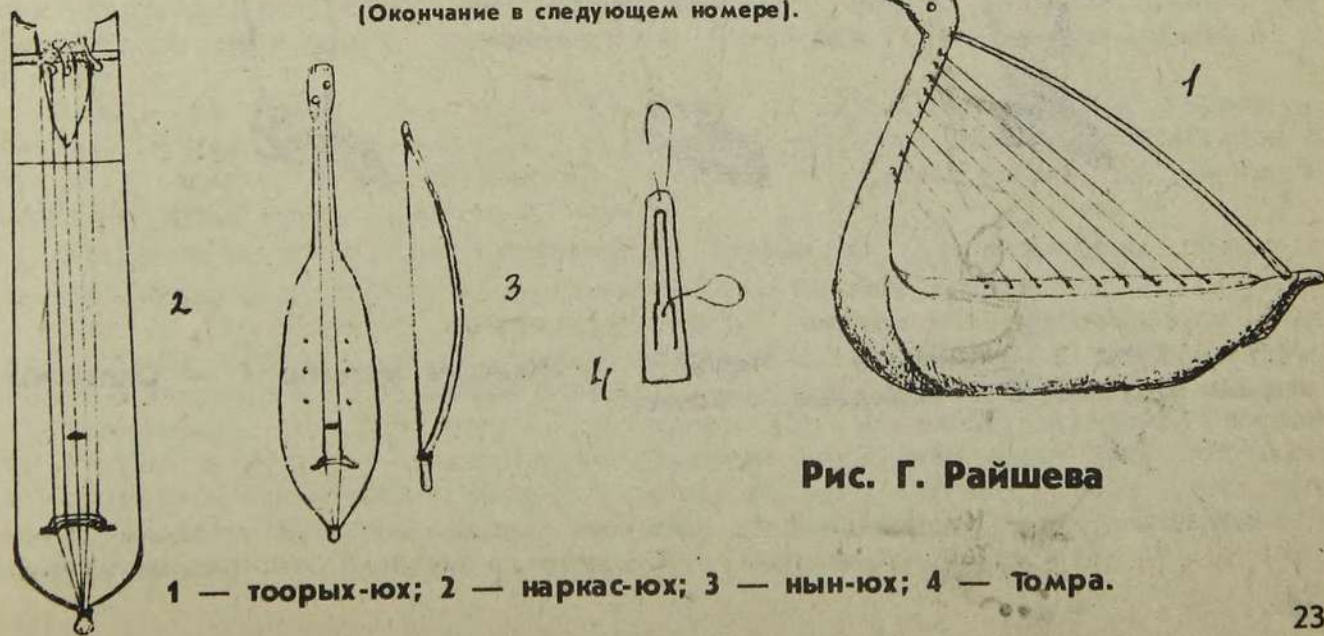
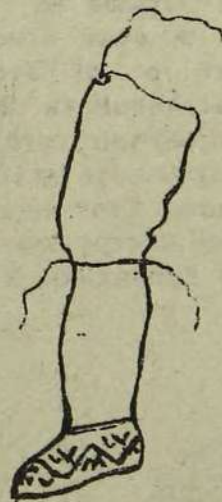
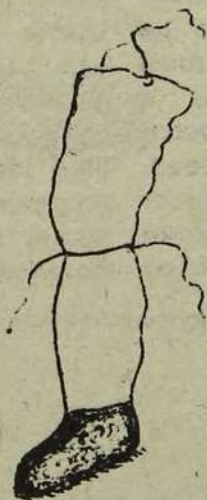
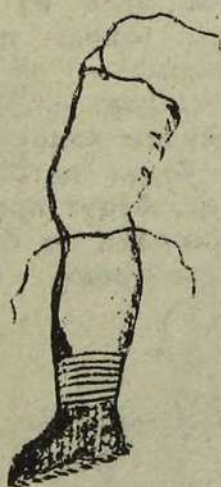

Рис. Г. Райшева

1 — тоорых-юх; 2 — наркас-юх; 3 — нын-юх; 4 — томра.

1 — Гусь; 2 — Кисы; 3 — Чижы; 4 — Женские нырки; 5 — Охотничьи нырки мужские; 6 — Выходные мужские.

«КУРИНЫЙ БОГ»

В ЭКСПОЗИЦИИ Мегионского музея, в отделе истории города есть очень интересный экспонат, подаренный Давлятовой Алиной Борисовной. «Ой, какие башмачки!» — часто восклицают дети, чуть завидев... лапти. А знают ли взрослые о них более того, что это обувь, сплетенная из лыка или бересты? Легкие и удобные, они на протяжении многих веков оставались единственным видом обуви крестьянского населения Восточной Европы. Различные виды лаптей были распространены у западных и восточных славян, у народов Прибалтики, Поволжья, Прикамья и Приуралья.

О древности плетеной обуви говорит множество обрядов и поверий, связанных с нею. Лапти применяли в семейных обрядах: уральские старообрядцы обязательно хоронили в лаптях; в Курской губернии жених должен был подарить их невесте, и только после того, как она примет лапти, начинали сватовство. В Брянском уезде Орловской губернии в лапте возили семена огурцов на огород, чтобы плети были такие же длинные, как оборы лаптей. В Калужской губернии лапоть почитали как «куриного бога», — его вешали на насесте, чтобы куры неслись дома, а не у соседа.

Учитывая нынешнее положение с обувью, я думаю, стоит вспомнить советы «умудренных опытом». Вот и я не отказалась воспользоваться воспоминаниями своей бабушки — Галдиной Евдокии Ивановны, 1927 года рождения. Она может поделиться с нами секретами хитрого лаптеплетения.

С чего начинается лапоть?

Сначала с липы снимают кору и разрезают «долями». Сверху ее очищают ножом. Кончики получившихся ленточек для удобства обрезают «уголком». Во времена бабушкиной молодости у каждого члена семьи была своя ложка, как и своя колодка для лаптей. Причем по колодке изготавливали лишь лапти косоного плетения, а лапти прямоного плетения делали без колодок, их решетка состояла из перпендикулярных друг к другу лык. Заплетали липовые ленты с помощью кадычка.

Кадычок — местное название кочедыка в слободе Петропавловской, что стоит под Лысой горой на берегу реки Шешмы — притока Камы. Находки кочедыков в неолитических стоянках свидетельствуют об очень древнем происхождении лаптей. Древнейшим, по археологическим данным, является лапоть из Люцинского могильника, хранящийся в Витебском музее и относящийся к I тыс. н. э.

Вплоть до конца 50-х годов XX века жители Петропавловки ходили в лаптях. Иногда для прочности в них вплетали кожаные ремни. В послевоенное время у многих и обыкновенных-то лаптей не было: ездили на базар в районный центр покупать «по-дорогому».

Когда лапоть готов, то из конопляной кудели вяют так называемые оборки — тесемки, которые вставляют в него и завязывают на ноге крестом.

Еще у первобытного человека появилась потребность предохранять ноги при ходьбе. Наши далекие предки обертывали вокруг стопы кусок шкуры, который закреплялся с помощью растений, сшивок из сухожилий.

Естественно, что на босу ногу лапоть не наденешь, мужчины носили шерстянки, а сверху — навертышки. Женские шерстянки были чуть поменьше и назывались... портянками. Женская работа по дому, поэтому поверх шерстяных носок хватало намотать одних портянок. Мужчины же зимой навертывали шерстянки до колен, а сверху навертышки — берегли ноги.

Рис. А. Мухаметовой.

Изготовить же эти шерстянки и навертышки было очень трудоемким процессом. Для ткачества прежде всего использовалась конопля.

Каждому району был присущ свой определенный способ изготовления предметов быта с характерной терминологией, и если бы вы, читатели, могли поделиться с нами своими воспоминаниями, мы были бы рады учесть в разработке экскурсионных тем особенности вашей местности.

Те мужские шерстянки и навертышки, что переданы в музей моей бабушкой — особенные. Одевали их только в торжественных случаях, в праздники, во время церковной службы.

Вот такие элементы традиционной культуры русского крестьянства конца XIX — начала XX века нашли отражение в экспозиции нашего музея. Это говорит о том, что не все забыли свои корни, в памяти сохранены традиции и обычаи. Собрались в Мегионе представители разных национальностей и в память о своей родине везут они с собой частички культуры своего народа.

**В. Лазарева,
главный хранитель фондов
Мегионского музея.**

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

- Обживешься, так и в аду хорошо.
Обожжешься на ухе — станешь дуть на воду.
Оботрется, обомнется, — все по старому пойдет.
Один глаз да зорек, не надо сорок.
Одна голова не бедна, а бедна, так одна.
Одного дерева икона и лопата.
Одному и у каши не споро.
Окоротишь — не воротишь.
Освоила кобыла ременный кнут.
Отвяжись, худая жизнь!
Отольются волку коровьи слезы.
Отчего казак гладок? Поел да и на бок.
От вора останутся стены, от огня — ничего.
От домашнего вора не убережешься.
От тюрьмы да от сумы не отпирайся.
Ох-хо-хо! Здоровье плохо, дров не полена, жена заколела.
Пакостлив как волк, — труслив как заяц.
Пей горько, ешь солоно: умрешь не сгниешь.
Перепека лучше недопеки.
Пить до дна — не видать добра.
Плетка не мяучит, а добру учит.
Погонишься за чужим, — свое потеряешь.
Под лесом видим, а под носом не видим.
Поет по ноте, как черт в болоте.
Помучишься, так научишься.
Поневоле здоров, как ничего не болит.
Посватался да и спрятался.
Поселился репейный корень, — не скоро вытравишь.
Поехала в гости, глодать кости.
Правду не задраснишь.
- Прежде невода рыбы не лови.
Прибавляй, теща, на гуцу: зять в гости будет.
Приведи из семи кабаков по семи варнаков, — и те не переговорят.
Привыкла собака за возом бегать и не отвадить.
Применил Божий дар к мякине.
Пролитое не бывает полно.
Противна как нищему гривна.
Пустой мешок на ноги не поставишь.
Руби дерево по себе.
Ручья слезами не наполнишь.
Рыбак рыбака видит на девятом плесе.
Сам себя до обеда любит.
Своя рука — владыка.
Связался черт с младенцем.
Сделано, так и душа на месте.
Сей день не без завтрава.
Семь верст до небес и все лесом.
Сзади хомут не надевают.
Сидит на стуле, как черт в кастрюле.
Сиротские слезы отольются.
Скрипучее дерево скрипит, а стоит.
Скупость не глупость: себе добра желает.
Слово не стрела, да хуже стрелы.
Согрешили попы за наши грехи, а мы — за поповы, что попы бестолковы.
Спасибо всем: на здоровье съел семь ломотков да краюшечку.
Спасибо этому дому, пойдем к другому.
Стаканчики да рюмочки доведут до сумочки.
Столько народу, что мешалом не промешаешь.
Судьбы околицей не обойдешь.
Судят по вине, а лупят по спине.
Счастливому и на воде сметана.

С бороды похож на апостола, а по уму хуже кобеля пестрого.

С сильным не борись, а с богатым не судись.

Сегодня гули, да завтра гули, как бы эти гули да в лапти не обули.

Спим до обеда, а пеняем на соседа: сосед дрова рубит, а нас не будит.

Сытого гостя хорошо и потчевать.

Сыт, пьян, и нос в табаке.

Там хорошо, где нас нет.

Толкуй, кто откуль.

Только одна печь на ней не бывала.

Ты, когда не поп, — ризы не надевай.

Тем море не погано, что псы воду налакали.

Тех же щей да погуще влей.

Тихий воз всегда на горе будет.

У богатого телята, у бедного ребята.

У вас рубят, к нам щепки летят.

У всякой пташечки своя песенка.

Уговорись на берегу да поезжай за реку.

Уж служить так сапогу, а не лаптю.

Узнают сокола по полетке, а молодца по походке.

У ленивого нечего не болит.

Ума палата да и та дыровата.

Умыкали бурку крутые горки.

У пьяного раба нет господина.

У собаки глаза мороза не боятся: только куржавеют.

Утро вечера мудренее, жена мужа умнее.

Хватают, хватают, а сыты не бывают.

Ходишь как Устя, рукава спустя.

Хорошего не надолго, сладкого не досыта.

Хорошему вору всяка одежда в пору.

Хороши палаты, да окна косоваты.

Хорош, когда спит.

Хоть на час да вскачь.

Хотелось немогчи, да некуда легчи.

Хоть неграмотны, да памятны.

Чай пить — не дрова рубить.

Что мне серебро, коли жить не добро.

Чужого хлеба брюхом не вынесешь.

Чужую беду, как вижу, рассужу, а к

своей беде ума не приложу.

Чьи гроши, того и ерши.

Чем похвалятся, тем и подавятся.

Шей да пори, — не будет простой поры.

Шел бы дале, лишь бы дали.

Щеголь: таловы лапти.

Это ему как собаке блин.

Язык собачий, а ум телячий.

Я стояла возле бани, а сказали — возле Вани.

Было бы ударено, то вспухнет.

Год не неделя, а Покров не теперя.

Люди с базару, а Назар на базар.

Навадился пес мерять плес, — ничем не удержишь.

На большой дороге трава не растет.

На чертову яму не напасешься хламу.

Не виновата хата, что пустила Игната.

Одна нога здесь, другая там, а сам к завтраму.

Свекольный рассол да в моду вошел.

Собака масла не караулит.

С дороги, назем: губернатора везем.

Шита рожа, плетеный нос.

ОЧЕРК СУРГУТСКОГО КРАЯ

С. П. Швецов

II ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

(Продолжение).

Сургутянин, владеющий слопцами, считается собственником только слопцов, но отнюдь не леса, в котором они поставлены, и на который постановка слопцов, как известная затрата труда, дает данному лицу лишь право пользования до тех пор, пока стоят и действуют слопцы. Раз они почему-либо заброшены, или перенесены куда-нибудь, всякий желающий имеет право на их место поставить свои слопцы. Здесь мы видим тот самый принцип трудового начала, с которым в иной форме встречаемся, например, в Тюкалинском округе в отношении пашни: затративший труд на расчистку и обработку пашни тем самым приобретает право на временное пользование ею, срок которого зависит уже от других условий — количества удобных земель в данном крестьянском обществе и пр. Слопцы, помимо передачи по наследству, могут также быть проданы и сданы в аренду — последнее, впрочем, имеет место лишь в городе.

Птицелов, прорубивший для «перевеса» просеку (см. об этом ниже), тоже имеет право на исключительное пользование ею. Просеки тоже переходят от отца к сыну, также продаются и сдаются в аренду; иногда встречаются и ограничения в праве делать просеки и другие порубки вблизи чужих просек. Так, с год назад горожане постановили не рубить новых просек и вообще не производить никаких порубок в так называемом береговом острове, потому что такие порубки и просеки наносят вред тем, кто ранее устроил здесь просеки. За каждое нарушение этого правила взимается определенный штраф. Здесь мы уже видим проявление власти общины, направленное к ограждению интересов своих членов.

Город, каждое село, деревня, юрта имеет свои рыбные ловли — рыболовные пески. У русской части населения пользование песками опять-таки имеет

своим основанием право первого захвата, с той разницей, что тут представителями принципа захвата являются уже не отдельные лица, а целые общества, деревня, например. Пески, принадлежащие деревне, находятся в пользовании всех ее членов. Мы не знаем случаев принадлежности рыбных ловель на праве полной частной собственности кому-либо из местных жителей. Порядок пользования рыбными песками у остяков общинно-родовой, как и в отношении леса. Благодаря громадным расстояниям, отделяющим одно поселение от другого, обладание теми или иными песками не вызывает споров и ссор между жителями различных деревень.

Многие остяцкие общества сдают свои ловли в аренду тобольским купцам и некоторым крестьянам-рыбопромышленникам с Самаровского и других поселений Сургутского округа, причем сдаются самые лучшие рыболовные пески, славящиеся богатейшим уловом рыбы. Сдавая их, остяки далеко не всегда руководствуются тем соображением, что у них находятся лишние, ненужные им самим удобные для лова места — чаще всего в этом играет главную роль крайняя нищета остяков, неимение собственных рыболовных снастей и других необходимых принадлежностей промысла, вообще невозможность собственными силами эксплуатировать находящиеся в их руках богатства. Та же безвыходная нищета заставляет остяков наниматься в работники к рыбопромышленникам и закабаляться ими.

С давних пор в жизни сургутского населения скотоводство занимает довольно видное место. Отсюда естественно вытекает, что население также с давних пор стало обращать серьезное внимание на луга и выгоны и для пользования ими выработало известные правила, признаваемые всеми.

Выгонами для рогатого скота, а также и покосами чаще всего служат низменные, затопляемые иногда весенним разливом, острова, во множестве образуемые Обью. В самом Сургуте, например, под выгон отведен довольно большой остров, расположенный в $1\frac{1}{2}$ —2 верстах от города. С наступлением лета сюда на лодках перевозится весь крупный и мелкий рогатый скот и остается здесь до поздней осени, когда пастьба прекращается за холодом. Остров считается общей собственностью всего городского населения. Каждый обыватель, коренной сургутянин или временный житель города все равно, имеет право, наравне со всеми, на известное участие в пользовании, т. е. может выгнать сюда весь свой скот, как бы его много ни было, ничего никому не платя за это. Так, некоторые временно проживающие в Сургуте торговцы, не участвующие в несении податей и повинностей, лежащих на мещанах, пользуются выгоном наравне с последними. Пастуха, разумеется, не держат, ибо на острове скотине не может угрожать никакая опасность ни со стороны зверя, ни со стороны лихих людей. Два раза в день каждая хозяйка ездит на остров для подоя и таким образом имеет возможность присматривать за своим скотом.

Весною, когда, вследствие разлива или по иным причинам, на остров еще нельзя переправить скот, местом выгона служит соседний лес, и хотя тут коров и особенно телят часто режет зверь, сургутяне не предпринимают никаких мер для охранения скота: не нанимать же пастуха на неделю, на две, говорят они.

Лошадей весною также сбивают в один общий табун и угоняют в урман верст за 10—20 и более, смотрят по тому, где в данном году хорошо уродились травы. В табун также все могут бесплатно гнать своих лошадей: лес и луга общие, Божьи, следовательно, каждый может ими пользоваться, насколько того требуют его хозяйственные нужды.

Пользование покосами захватное, как и во многих других местностях Тобольской губернии. Порядок захвата и так называемого закашивания мало чем отличается от господствующего в южных округах — Ишимском, и Тюкалинском... Главное отличие состоит в том, что вследствие гораздо большего изобилия свободных лугов, сравнительно с потребностью в них населения,

в описываемом крае закашивание не сопровождается такими печальными, подчас кровавыми столкновениями из-за обладания лучшим куском покоса. Здесь покосов хватает на всех, и еще целая масса хороших мест остается никем не тронуто. В этом, кстати сказать, кроется причина другого отличия от южных порядков: в то время, как на юге пользоваться покосами обыкновенно допускается лишь членам общины, здесь это право предоставлено каждому, нуждающемуся в сене. Сенокосение длится здесь со второй половины июля до глубокой осени — бывает, что работают в лугах еще в то время, когда уже падает осенний снег, предвестник близкой зимы.

Выше мы уже сказали, что в самом Сургуте скотоводство занимает довольно почтенное место в ряду других занятий, дающих населению средства к жизни. Более всего держат крупный рогатый скот: в редком доме нет двух-трех коров, не считая телят; есть же и богатые дворы, в которых имеется десять и более голов. Дом без коровы — очень редкое исключение, в своей основе всегда имеющее какое-нибудь несчастье в семье домоладельца, в корень подорвавшее домашнее хозяйство. Почти столько же держат лошадей, мелкого же скота значительно меньше: во многих домах совсем нет овец, свиней же и того меньше — они имеются только у двух-трех богатеев. У одного-двух хозяев найдутся домашние олени, употребляемые для езды.

В селах и деревнях скотоводство играет гораздо меньшую роль, нежели в городе. Домашний скот имеется только у русских крестьян; остяки же держат — более богатые немного оленей для езды, беднота — собак. Более точных данных о размерах скотоводства мы, к сожалению, не можем привести, так как не решаемся основываться на официальных данных, зная способ их собирания. Коровы в Сургуте обыкновенной мелкой породы, повсеместно встречающейся в Тобольской губернии, и отличающейся разве только еще меньшей молочностью, что находится в непосредственной связи с плохим качеством трав, которые, несмотря на тщательное выжигание лугов, жестки и мало питательны. Между прочим, сургутский скот часто кормят соленой рыбой, что в неурожайные на травы годы служит значительным подспорьем. Вообще на скоте, как и на людях, заметно влияние местных особенностей природы и климата.

Лошади служат исключительно для зимних работ — возки леса, сена, езды на промысел, перевозки рыбы, мехов и ореха в с. Самаровское, иногда же и в Тобольск и пр. Летом же лошади ни в какую работу не употребляются, так как в это время года их вполне заменяет лодка: на ней сургутянин отправляется и на покос, и на промысел, а в случае надобности на ней же съездит и в деревню, Тобольск или Березов. Лошади, как и прочий скот, простой породы, не отличающейся большой силой, но зато они выносливы и вполне приспособились к суровости местного климата: во всякое время года, несмотря на страшные зимние морозы и жестокие бураны, они находятся под открытым небом, и никаких помещений для защиты их от холода и ветров не строят. Коров и мелкий скот зимою держат в мшених хлевах.

В то время, как большинство населения страдает, т. е. заготавливает на зиму сено для скота, часть мужчин, наиболее сильных и ловких, отправляется на промысел в урман «орешить» — собирать кедровый орех.

Для более успешного ведения этого промысла, как и для рыболовства, сургутяне собираются в небольшие артели человека по три-четыре и больше. Слово «артель», насколько мы знаем, в Сургуте неизвестно, члены же такого временного промыслового соединения называются товарищами; вместо «вступить в артель» говорят — «пойти в товарищи». Такие артельные или товарищеские соединения составляются на одно лето, на время одного промысла, по окончании которого артель сама собой распадается. На следующий год товарищество промышленников формируется вновь, при этом иногда состав

артели остается прежним или лишь немного видоизменяется. При образовании таких товариществ принимаются во внимание главным образом личные симпатии вступающих в артель и соседство, хотя не последнюю роль играют и соображения относительно ловкости собирающегося на промысел его смелости и товарищеской честности — чтобы вынес путешествие, не бросил товарища в опасности и проч.

Самый промысел в общих чертах производится следующим образом. Промышленники-товарищи заранее запасаются одеждой, провизией, табаком, чаем и прочими необходимыми принадлежностями промысла и приготавливают узкие, длинные холщевые мешки, а также пару-другую особого устройства железных когтей, наподобие тех, которые употребляются в телеграфном ведомстве, только более грубой, первобытной конструкции. Во второй половине июля артель отправляется на промысел чаще всего на лодках вверх или вниз по Оби до какого-нибудь определенного пункта, где лодку оставляют и дальше идут уже пешком. Жители города и поселений, расположенных на Оби, обыкновенно отправляются на юг от реки, по направлению к Тарскому и Томскому округам; идут всегда в известное уже место, заранее высмотренное и облюбованное кем-либо из членов артели; нередко такое место отстоит от города верст на сто-двести и более.

Достигнув цели своего путешествия, товарищи тотчас же приступают к предварительным работам. Прежде всего строят шалаш для жилья на время промысла и землянку, если таковая не сохранилась от промыслов прежних лет, для хранения ореха; тут же устраиваются особые продольные станки, приспособленные к раздроблению шишек и освобождению ореха, и деревянные решета для просеивания ореха. В этих работах принимают участие все, руководство же ими берет на себя, как и вообще во все время промысла, кто-нибудь из наиболее опытных промышленников, не раз ходивший орешить, хорошо знакомый и с условиями промысла, и с тайгой. Формальных выборов, разумеется, не бывает, и делается это как-то само собой, в силу общего молчаливого признания за данным лицом качеств, требуемых от руководителя промыслом.

Когда все готово, принимаются за самое «шишкование» т. е. за сбор кедровых шишек. Когда артель невелика, состоит всего из трех-четырёх человек, товарищи не разъединяются и промышленяют все вместе; если же число их больше — человек 6—8, они разбиваются на группы по 3—4 в каждой, и эти группы работают более или менее самостоятельно и независимо друг от друга. Каждая группа состоит из одного сбивальщика и нескольких подбиральщиков; на обязанности первого лежит сбивание шишек, что производится ударом длинного шеста по ветвям кедра. [...]. Работа остающихся на земле гораздо тяжелее, требует большей силы и выносливости, но зато не опасна для здоровья промышленника. Обивши шишки с одного кедра и собравши их в мешки, группа переходит к другому дереву и т. д. в течение целого дня, с раннего утра до ночи. Точно так же поступают и другие группы артели, если таковые имеются. Шишки, как мы сказали, сносятся в одно место; когда они достаточно проветрятся и подсохнут на солнце, их чистят на станках, отделяют орех, который просеивают сквозь решета и затем вновь сушат на солнце. Эта работа чаще всего, если только позволяет погода, производится по праздникам, как более мелкая и не утомляющая промышленников. Подсохший орех ссыпается в землянку, дверь которой плотно запирается и заваливается землей, лесом или камнями; эти предосторожности принимаются на случай посещения землянки лакомым до орехов медведем. Иногда землянку заменяет простая яма. Здесь орех остается до начала зимы, когда за ним приезжают на лошадях. Если по силам артели в данном месте шишек мало, то, ссыпав орех в землянку и завалив ее лесом, артель идет дальше, подыскивает подходящее место и вновь принимается за ту же работу.

Ореховый промысел, считая и время, необходимое на путь в урман и обратно, продолжается около двух месяцев: в половине июля отправляются орешить, а возвращаются около двадцатых чисел сентября. Впрочем, в плохой год период промысла бывает короче, в особенно же урожайный, с ясной осенью, несколько дольше.

По первому снегу промышленники уже на лошадях пускаются вновь в тайгу, вывозят орех домой и тут делят его между всеми «товарищами» поровну, стараясь сохранить возможную справедливость.

Орешеньем занимается преимущественно молодежь, притом исключительно мужская, так как русские женщины орешить не ходят — крайне редкие исключения в этом смысле можно встретить в деревне, где этот промысел вообще развит больше, чем в городе. Остяки орешат исключительно в одиночку или посемейно, в артели, как и для всех других промыслов, не соединяются, и всякий работает за свой собственный счет и страх. Остячки промышленяют наравне с мужчинами, разделяя с ними все труды и опасности промысла. Здесь уместно будет отметить следующую небезынттересную черту взаимных отношений между остяками. Каждый из них, не имеющий собственной промысловой снасти — лодки, сети, слопцов и пр., может пользоваться снастью, принадлежащею всякому другому остяку, для чего должен заявить только о своем желании ее хозяину, и тот не имеет права отказать ему, если только сам в это время не нуждается в ней. Если же остяк воспользуется снастью без спроса ее владельца, то половина добычи поступает последнему. Такой обычай остяков, исходя из принципа взаимопомощи, до известной степени заменяет собой отсутствующее у них артельное начало.

Орешенье — одно из самых выгодных занятий в крае: в хороший год сильная и ловкая артель успевает заработать рублей до 80 на «товарища»; бывают и такие годы, когда один промысел дает 100 р. на человека; в плохие — заработок, естественно, гораздо меньше — рублей по 30, иногда же случается и так, что промышленники возвращаются почти вовсе с пустыми руками. По словам местных жителей, в четыре года — два выдаются средних по урожайности, один много выше среднего и один, наконец, с плохим урожаем. Мы думаем, впрочем, что это утверждение основано на недостаточно точных наблюдениях, по крайней мере, действительность далеко не всегда соответствует ему; иногда два-три года сряду урожаем самый плохой, а выдадутся несколько таких, что жители не знают куда деваться с орехом.

Необходимо, однако, оговориться; не всякая артель промышленников вполне пользуется результатом промысла, — нередки случаи, когда она бывает вынуждена уступать часть своих заработков постороннему лицу, скупщику-кулаку. Происходит это в том случае, если товарищество почему-либо не в силах предпринять промысел исключительно на свои средства и вследствие этого должно обращаться за кредитом на сторону, к торговцу-скупщику, у которого берет необходимый товар — съестные припасы, табак и проч., иногда и деньги, обязуясь уплатить за это из доходов будущего промысла. Кроме того, вместо процентов, артель обязуется весь орех сдать своему кредитору по определенной цене. При таких сделках промышленники терпят громадные убытки, ибо львиная доля дохода приходится кредитору. Впрочем, иногда терпят убытки и скупщики, назначив цену на орех выше той, какая устанавливается впоследствии, но такие ошибки с их стороны большая редкость. Местные жители стараются избегать сделок с кредиторами, предпочитая обходиться своими средствами, и к скупщикам большею частью обращается пришлый народ. Нам известен, между прочим, случай, когда артель тобольских крестьян-плотников, пришедшая в Сургут на заработки и воспользовавшаяся для промысла любезным предложением кредита со стороны одного местного торговца, продала ему орех по цене вдвое ниже той, по которой он продавался промышленниками, свободными от обязательства

поставлять его известному лицу. Излишне, думаем, говорить о ценах на товары, выдаваемые промышленникам в кредит, об их качествах и т. п. Этим убытков сами промышленники не считают.

Некоторые купцы и богатые крестьяне Тобольского округа, также и местные торговцы извлекают пользу из орехового промысла и другим путем: арендуют, как упомянуто выше, кедровые острова у остяков, иногда прямо захватывают их, невзирая на протесты местных жителей, и наемными рабочими ведут промысел от себя. Рабочими в таких случаях являются те же остяки, так как горожане и русские крестьяне, как народ более зажиточный, в наемку не идут. Промышляющие на хозяина за свой труд получают, разумеется, еще менее, чем те, которые входят в предварительные сделки с скупщиками. Чтобы возможно дешевле нанять рабочих, купцы употребляют в отношении остяков самые разнообразные более или менее неблагоприятные приемы, затягивающие последних в безвыходную кабалу — водка и система долговых обязательств в этом играют первенствующую роль, но к этому нам придется еще не раз возвращаться.

Скупщики вывозят из Сургута орех в другие округа Тобольской губернии и на Ирбитскую ярмарку.

В жизни сельского населения округа и особенно остяков серьезное значение имеет и другой тесно связанный с урманом промысел — охота на пушного зверя. С осени почти до самой весны непрерывно продолжается этот промысел; летом же и весной зверя не бьют как потому, что тогда шкуры не так прочны и пушисты, а потому ниже ценятся, так и вследствие того, что с наступлением тепла и разлива рек сургутянина занимают другие, не менее важные промыслы — ловля рыбы и птицы. Предметом охоты служат едва ли не все четвероногие обитатели тайги, начиная с ее царя медведя и кончая крохотным бурундуком: ловят и бьют все, что только подвернется под ружье или ловушку промышленника, преимущественно же охотятся на белку, лисицу, выдру, горностая и некоторых других зверьков, прельщающих охотника ценностью своей шкурки. Ни русские крестьяне, ни тем более остяки никогда не соединяются для охоты в артели, всякий промышляет для себя, на свой личный страх; если иногда несколько охотников и сходятся вместе, то исключительно ради большей безопасности от зверя, и такие соединения ни к чему, кроме взаимной помощи в случаях опасности, не обязывают. Охота на зверя производится при помощи ружья и разнообразнейших ловушек, петель, ям, более или менее хитро устроенных и приновленных к характеру и привычкам зверя, вполне изученного сургутянином-охотником. Остяки, кроме того, часто охотятся со стрелами. Горожане звероловством, как промыслом, не занимаются, предпочитая скупать за бесценок шкурки у остяков для перепродажи.

Наряду с другими промыслами, развитыми в Сургутском крае, необходимо отметить ловлю птицы, производящуюся преимущественно весной. Птицеловство, главным образом, ловля уток, производится здесь в таких широких размерах, что носит характер настоящего промысла и служит одной из значительных статей дохода населения. Весной, с начала перелета птицы, все, кто в деревнях, отчасти и в городе, не занят какой-нибудь другой выгодной и неотложной работой (и это время свободно от срочных работ для всех, не промышляющих рыболовством, т. е. для всей женской и некоторой части мужской половины населения), тянутся в тайгу за утками; тут вы встретите и стариков, и ребятишек. В продолжение всего весеннего перелета, т. е. недели три длится ловля уток при помощи так называемых перевесов. Перевес — это нитяная сеть, похожая на употребляемые везде в Тобольской губернии для ловли рыбы и растягиваемая на вбитых в землю жердях или на деревьях, где представляются к тому удобства. Для установки перевеса пользуются подходящей прогалиной в лесу, или же пробивают просеку таким образом, чтобы концы ее упирались в озерки, болотца, вообще в такие места,

где утки могут спускаться на воду, что при тамошнем обилии озер и болот не представляет никакого затруднения. Следует заметить, что в настоящее время редко приходится прокладывать новые просеки, так как каждый домохозяин имеет свое собственное место, перешедшее ему от родителей, где ежегодно ловит уток; если же кто вздумает ставить перевес в другом месте, то к его услугам сотни прогалин и просек, сделанных когда-то и вполне могущих удовлетворить самого взыскательного.

ИСТОРИЯ ЮНОШИ ШВЕЦОВА

В. Г. Короленко

Был среди интеллигентной молодежи В. П. Т. (Вышневолоцкая политическая тюрьма. — Ред.) и еще один интересный юноша с любопытной дотюремной биографией. Это Сергей Порфирьевич Швецов, впоследствии известный сибирский статистик и писатель, игравший в последние годы довольно видную роль в период неудавшегося Учредительного собрания. Когда он прибыл в В. П. Т., ему едва исполнилось девятнадцать лет. А между тем он успел уже испытать период нелегальной жизни и сидел в тюрьме в Тифлисе, в так называемом Метехском замке.

Совсем юношей, он был членом такого же юного кружка революционеров, который снарядил его однажды «на пропаганду». Ему дали в руки целую связку нелегальных изданий и послали пешком вдоль Николаевской железной дороги. По пути он должен был вести пропаганду и скреплять ее раздачей листков. Юноша отправился, сразу увидел, что для его пропаганды нет подходящих условий, никакой агитации не вел и нелегальные листки так и нес все время завязанными в тючок, пока дорогой он не свалился где-то больной. Его подобрали и доставили с его тючком в больницу какого-то уездного города Тверской, кажется, губернии. Здесь он некоторое время пролежал в беспомощности, потом выздоровел, выписался из больницы, получил в неприкосновенности свой тючок и вернулся к товарищам. Здесь уж шел разгром, и его сочли нужным отправить для безопасности в Тифлис, где он и проживал нелегально, попав по рекомендации в кружок князя Орбелиани.

Этот грузинский князь, вращавшийся в высшем обществе Тифлиса, успел, по-видимому, организовать в этом городе какую-то революционную конспирацию, с участием светской молодежи. Говорили в то время, что в его кружке участвовала даже дочь бывшего кавказского наместника (фамилию его, к сожалению, забыл). Жандармы кое-что узнали об этом. Были даже произведены обыски, но осязательного ничего не нашли. Слухи дошли до Петербурга, и здесь, неудачу принятых мер приписывали участию и заступничеству влиятельных лиц.

Во время одного из обысков арестовали Швецова, жившего под вымышленной фамилией. При виде этого юноши, почти мальчика, у власти явилась надежда,

что он может кое-что рассказать об интересующей их организации. Но юноша не давал никаких показаний.

Тогда произошел почти невероятный эпизод. Однажды, когда Швецов сидел в своей камере в одном белье, — дверь внезапно отворилась и в камеру вошел немолодой офицер в черкеске и белой папахе. Пройдя в глубь камеры, чтобы положить папаху на стол под окном, офицер повернулся к койке, на которой сидел Швецов, и, подойдя к нему, сказал:

— Молодой человек! Вы попали в опасную компанию, и вам грозит серьезное наказание. Но вы еще можете избежать грозящей вам участи, если расскажите все, что знаете о князе Орбелиани и о всех, причастных к его кружку.

Юноша получил самое простое воспитание, не отличался утонченными манерами и был вспыльчив. Он понял, что ему для смягчения собственной участи предлагают стать предателем, и — рассердился.

— П-послушайте, — сказал он, слегка заикаясь, что случилось с ним всегда, когда он волновался. — П-послушайте! Возьмите свою папаху, подите вон и никогда не являйтесь к честным людям с подлыми предложениями.

Офицер, был, видимо, озадачен, но тотчас же взял свою папаху и ушел. Оказалось, что юноша выгнал таким невежливым образом... самого великого князя Михаила Николаевича. Его высочество был, по-видимому, очень заинтересован делом князя Орбелиани, считал, что влиятельные участники ловко тормозят расследование, и, узнав из докладов о юноше, арестованном при обыске у Орбелиани, решил подавить его своим величием и исторгнуть важные показания. Результаты показали, как неудобно иной раз совмещать высокое звание с функциями полицейского Лекока.

Вскоре после этого — юноша еще даже не успел одеться — как к нему ворвались надзиратели и, так, как был, в одном белье, бросили в карцер. Этот карцер находился посреди тюремного двора. Метехский замок был когда-то крепостью, а карцер представлял некогда пороховой погреб. Стены были толщиной почти в сажень, отверстия окон шли зигзагами в несколько поворотов. Темнота была абсолютная, пол покрыт липкой грязью. На нем шевелились и ползали какие-то гады. Сюда сажали только за особо важные проступки. На этот раз проступок оказался «особо важным».

Держали его тут несколько дней и унесли в беспамятстве в тюремную больницу. С ним случился гнойный плеврит. Могло бы кончиться еще хуже, если бы заключенных в этот карцер не охраняла особенная заботливость арестантской общины. В тот же день после обеда во время прогулки во дворе вдруг раздался неистовый шум: среди каторжных вспыхнула общая свалка, одна из тех драк, на какие способны пылкие кавказцы. Казалось, что это настоящий тюремный бунт и что арестанты разносят стены тюрьмы. Все надзиратели и весь наличный караул кинулись в отдаленный угол двора, откуда неслись крики. В это время дверь каменного мешка кто-то открыл отмычкой. Вбежал арестант, подал Швецову бутылку коньяка и сверток с едой, сказал торопливо: «На три дня», и исчез тем же путем. А вскоре после этого и драка стихла. Такая же история повторилась через три дня, и только благодаря этому юноша уцелел.

В В. П. Т. он прибыл сильно ослабевшим, с удушливым кашлем, и только благодаря богатырскому сложению ему удалось все-таки оправиться...
[«История моего современника»].

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ И ХУДОЖНИКИ ЮГРЫ

В О ВТОРОЙ половине 30-х годов было положено начало письменности малых народов Севера, развитию языка, появились первые произведения литературы и искусства. В апреле 1937 года принято постановление о переводе письменности народов Севера с латинизированного на русский алфавит и выпуске в Ханты-Мансийской окружной газете одной страницы на хантыйском и мансийском языках.

В числе исследователей диалектов хантыйского языка и проблем литературного хантыйского языка в эти годы были преподаватели Института народов Севера А. Л. Алалеков и А. Н. Баландин, организовавшие в округе специальную экспедицию. А. Н. Баландин записывал мансийские сказки и до войны вышло одно фольклорное издание на мансийском языке.

В тридцатых годах по берегам Оби, Северной Сосьвы и Конды вел археологические исследования профессор В. Н. Чернецов. Одновременно он написал ряд учебников, словарей-разговорников, сказок ханты и манси, научных статей, посвященных языку и изобразительному искусству обских угров.

Побывавший в округе немецкий финно-угровед В. К. Штейниц издал в 1937 году в СССР краткий очерк грамматики хантыйского языка на основе казымполноватского говора.

К этому времени относятся и первые опыты литературного творчества ханты и манси в Институте народов Севера и в педучилище окружного центра. В 1937 году кружок национального творчества педучилища издал четыре выпуска фольклорно-этнографического и литературно-искусствоведческого альманаха «Советский Север». В конце этого года журнал «Омская область» писал, что в Остяко-Вогульске А. Картина из педучилища (ныне известная мансийская ска-

зительница, член Союза писателей СССР А. М. Конькова), учащиеся Бисаркина, Усанова, Хамзарова, Натускина сочиняют новые песни, пьесы, частушки.

Первыми авторами рассказов и стихов были ханты Дмитрий Дунаев, Кирилл Посохов (ныне подполковник в отставке), Дмитрий Тарлин, Леонид и Григорий Вайветкины, Дмитрий Тебетев. Многие из них погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

В 1937 году в окружной газете появились стихи Григория Лазарева — первого литератора-ханты. Известный исследователь Севера В. Сенкевич в те годы писала: «У Григория Лазарева нет предшественников, т. к. у ханты не было художественной литературы, ее функции выполняет только устное народное творчество. К этому-то роднику народной поэтики и обратился молодой поэт. Несмотря на ряд стилистических недочетов, неизбежных у молодых поэтов, нынешние стихи Лазарева — это уже настоящие поэтические произведения, первые ласточки зарождения хантыйской художественной литературы».

В Литературном энциклопедическом словаре (Москва, 1987 г.) Григорий Дмитриевич Лазарев прямо называется зачинателем хантыйской литературы, представляется как хантыйский советский писатель, журналист, переводчик, автор стихов, рассказов, очерков, обработок народного эпоса и лирических песен. Его стихи опубликованы в 200-томном издании Всемирной литературы.

Зачинателем мансийской литературы стал Пантелеймон Еврин (П. А. Чейметов). Его рассказ «Два охотника» в 1940 году опубликовало учебно-педагогическое издательство. Сын кондинского рыбака-охотника, он работал в колхозе, затем окончил курсы национального актива в Остяко-Вогульске. Писать начал во время учебы в Институте народов Севера. В 1941 году в Ленинграде

вышла в его переводе на мансийский язык книга о С. М. Кирове «Мальчик из Уржума». В 1940 году в Омске вышел первый сборник, куда вошли произведения хантыйских и мансийских авторов.

В школах и учебных заведениях старались развивать врожденные художественные способности детей ханты и манси. В 1937 году в Остяко-Вогульске при педучилище работала студия самодеятельных художников, в которой занималось 30 учащихся из коренных национальностей. Руководила ими художница Елизавета Гавриленко.

Мировое признание пришло к первым национальным художникам-студентам Института народов Севера на Международной выставке 1937 года в Париже. Золотой медалью «Гран-при» были отмечены картины наших земляков К. Панкова и Н. Натускина. Картины Константина Панкова, уроженца Саранпауля, сына мансийки и ненца, до сих пор являются украшением Ленинградского Арктического музея. Писатель Геннадий Гор в книге, посвященной Панкову, точно заметил особенность таланта художника в том, что он «соединил в своем искусстве фольклорное видение мира, непосредственность и искренность охотника, сына тайги, с современной живописной техникой, с безукоризненным чувством цвета и композиции...». И опять война, оборвавшая жизнь снайпера К. Панкова в боях за северную Норвегию.

Ханты Н. Натускин написал много картин о своих родных местах и вместе с К. Панковым создал крупное панно для павильона «Арктика» на Всесоюзной сельхозвыставке. Большой успех на ряде предвоенных выставок имели рисунки ханты Маремьянина, талантливым художником был учащийся Ханты-Мансийского педучилища Григорий Бабкин, погибший на фронте.

В послевоенные годы был увеличен выпуск учебной и художественной литературы на языках народов Севера. В 1949 году издательство «Молодая гвардия» выпустило в Ленинграде сборник «Мы — люди Севера», где молодые авторы из малочисленных народов выступили в содружестве с ленинград-

скими писателями.

В переводах книг для северной редакции Учебно-Педагогического издательства в Ленинграде участвовали студенты национальных групп университета и пединститута им. Герцена. Таисия Каксина и Анна Григорьева перевели на хантыйский язык книгу рассказов Б. Житкова, Евдокия Ромбандеева перевела на манси сборник арифметических задач и книгу Ю. Чарушина «Большие и маленькие», Н. Садомин подготовил для детей мансийские сказки. В 1951 году вышло около десяти учебников и сборников рассказов с иллюстрациями для национальных округов Тюменской области. Выпускница университета Матрена Вахрушева напечатала в газетах и сборниках ряд стихотворений, издала повесть «На берегу Малой Юконды».

В конце 50-х годов при редакции окружной газеты «Ленинская правда» было создано литературное объединение. Его возглавил талантливый поэт-фронтовик, автор известного стихотворения «Ленинградцы», Вячеслав Попов. В газете были напечатаны первые стихи Ювана Шесталова, Андрея Тарханова, Микуля Шульгина, Владимира Волдина. В 1959 году в Ханты-Мансийске вышел первый сборник будущего лауреата Государственной премии РСФСР Ювана Шесталова «Аромат Родины».

В это время изобразительную студию окружного Дома народного творчества возглавил талантливый художник Михаил Бронников. Под его руководством плодотворно работали молодые и не очень молодые любители кисти. Настолько плодотворно, что 28 их картин экспонировались на Всероссийской выставке в Москве. Он открыл талант замечательного резчика по дереву будущего заслуженного работника культуры РСФСР Петра Шешкина, заметил и развил способности известного теперь самодеятельного живописца Митрофана Тететева.

Н. Патрикеев,
заслуженный работник
культуры России.
(по архивным и литературным
источникам).

НА ГРАНИЦЕ

И. А. Кущевский

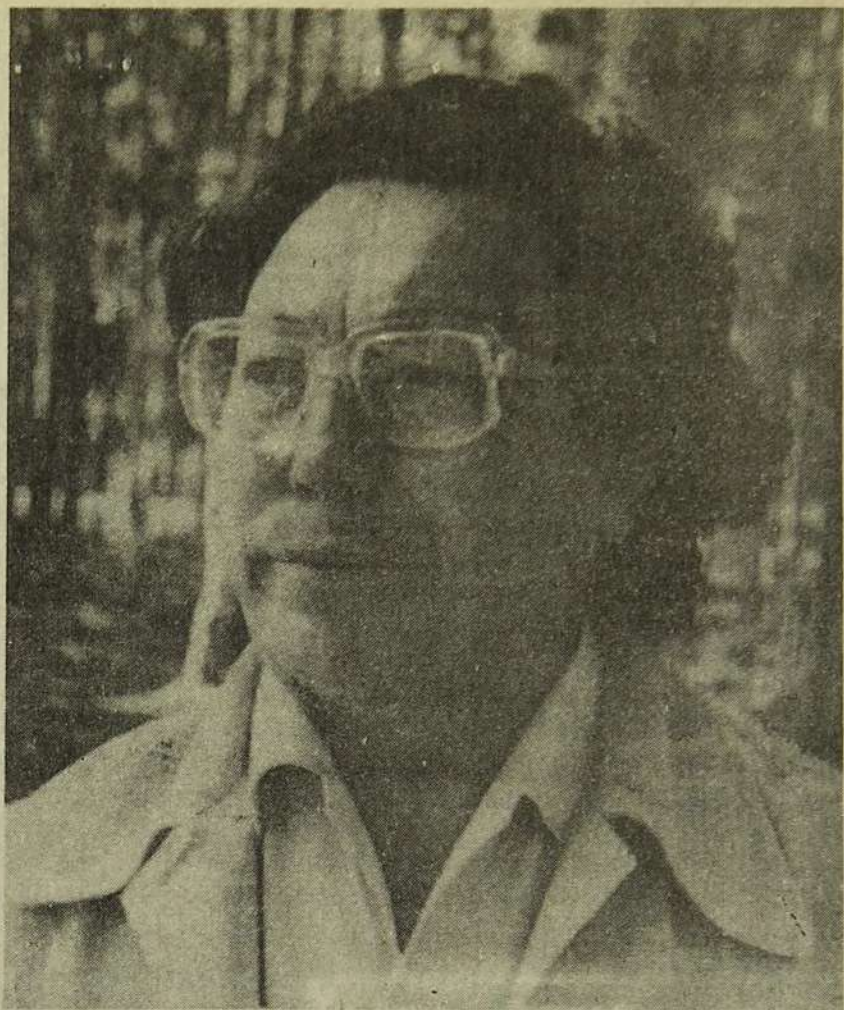
— Мы в Европе скоро будем!... Вот Европа — видите!... — кричал мой спутник при виде столба с надписью с одной стороны: «Азия», с другой — «Европа».

Сердце как-то невольно забилося при виде этой границы. Караванный приказал остановиться, мы подошли к столбу, испещренному всевозможными надписями: «Не плачь, Анютка, Иван Федотов прошел», — писал какой-то забубенный бродяга своей Анютке. «Братцы, скажите в Нерчинске Ваське Лихому, — Трошка Белоус прошел благополучно», — заказывал тоже какой-то бродяга. Мои спутники сочли долгом начертать свои имена на европейской границе.

Страшна и тяжела уральская дорога!.. Не одна тысяча перешагнула эту европейскую границу затем, чтобы, навсегда покинув родину, не возвращаться уже из далекой Азии. Грустные мысли навеяла на меня эта европейская граница. Там, в Сибири, — простор, богатая природа, изобилие полное во всем, но тяжелый произвол мелкой чиновной администрации и кулачества не дают вполне подняться и окрепнуть народу, который носит в себе все задатки для будущего развития. Недалеко то время, когда рельсовый путь протянется чрез всю богатую Сибирь и привлечет в эту всеми забытую страну лучшие силы и умы. Сибирь — страна еще неизвестная. Если были сделаны легкие исследования, то эти исследования были поверхностные и носили в себе характер легкой наживы и беспощадной эксплуатации края. Было много доброжелателей Сибири, которые и имели громадные уполномочия, но и они, при всем своем желании, ничего не могли сделать. Мелкое чиновничество, приезжающее из России для наживы, убивает в народе способность к дальнейшему развитию своих экономических сил.

Юван

Шесталов

Творчество лауреата Государственной премии РСФСР им. Горького Ювана (Ивана Николаевича) Шесталова широко известно не только в стране, но и за ее рубежами. «Письменная поэзия и духовная культура — вещи разные, — справедливо указывал Владимир Солоухин. — Став поэтом, что называется «письменным», Юван стал наследником той духовной культуры своего народа, того культурного опыта, который откristаллизовывался на протяжении всей истории». Отсюда и удивительная многогранность художественного дарования Ювана Шесталова. Он и поэт, и прозаик, и публицист, и сказочник, и в последнее время — издатель, редактор. Вот как сам писатель определяет особенности своего творчества: «Проза переходит в стихи, стихи шагают в сказку... Ведь все жанры условны. Их придумали люди, так же, как придумали сказки, — в неумейной жажде познать себя и мир, разгадать извечные тайны жизни».

Редколлегия и редакция журнала «Югра» сердечно поздравляет мансийского писателя с 55-летием со дня рождения и желают ему новых творческих свершений.

Предлагаем вниманию наших читателей отрывок из поэмы Ювана Шесталова «Духи», ранее не публиковавшейся в книгах и журналах.

Куль начал камланье:
 — Кай-о! Кай-о! Йо! —
 Простертою дланью
 Он поднял всесилье свое.
 По бубну тугому
 Ударил он лапой гагары.
 Негромкому грому
 Подобными были удары
 Той лапы священной,
 Отъятой у северной птицы.
 И в дымке вечерней
 Светлели низвергнутых лица.
 — Кай-о! Кай-о! Из тьмы
 К вам обращаюсь,
 Духи и боги!
 Невольно покинули мы
 Небесные наши чертоги.
 Мы сброшены с неба,
 Но мы не сгорели в полете.
 Потемки нелепы,
 И это вы вскоре поймете!
 Мы небо вернем,
 Мы вернемся в зазвездные дали.
 Клянусь вам огнем.

Что мы не навеки упали
 В промозглые бездны,
 В холодные эти болота.
 Мы духи — небесны, —
 И нам не бояться полета.
 Восстанем из хлида.

Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия

¹ У манси и шумеров — языческое существо, олицетворяющее злые силы (так называемый нижний мир).

Во тьме запасаясь терпеньем,
 Нам веровать надо,
 Что мы не сгорели в паденье,
 Мы звездные камни
 Проклятого нижнего мира.
 Но время
 Веками,
 Как видите, нас не сломило...
 Кай-о! Не однажды
 Я в том убеждался, о духи:
 Болезней не жаждут,
 Когда пребывают в недуге.
 Где выгод не видно,
 Там нету о них разговоров.
 Кому там обидно,
 Когда не бывает раздоров.
 Чем горе безбрежней,
 Тем новая боль нежеланней.
 В метели кромешной
 Все больше невидимых граней.
 И вот потому-то
 Должны мы сплотиться сильнее.
 И с каждой минутой
 Союз наш пребудет прочнее.
 Да сгинет вражда,
 Суесловие сплетен и слухов.
 Всегда —
 Навсегда
 Наш союз
 Ниспровергнутых духов.
 И верность вернее,
 Надежда надежней, а с нею
 Мы будем сильнее,
 Чем были допрежде на небе...
 Пойти ли нам прямо,
 Преграды сметаючи силой,
 Рискуя тылами,
 Открыто,
 Как в драке лосиной?
 Иль словно случайно,
 Под ночи беззвездной покровом
 Невидимо, тайно
 Орудовать
 Ядом и словом?
 Все это не просто,
 Подумаем крепко про это.
 Вот корень вопроса.
 Кто слово возьмет для ответа?

У РОДНОГО ЧУГАСА

СБОР ЯГОД

В день прихода на бора выбирали старшего из пожилых мужиков. Он руководил сбором ягод, следил за соблюдением порядка в деревне, разрешал спорные вопросы и принимал решения в непредвиденных случаях.

Первый день отводили на устройство жилища, приводили в порядок избушки. На второй день рано утром все разом расходились по борам. Кто слаб ногами, брали на Избушечном. Молодые и сильные уходили на дальние бора — Кладбищенский, Ершов, Батурицкий, Волоковой и другие. Днем Большая деревня пустовала. К вечеру ягодники подходили к своим избушкам. Были частые случаи плутания. Приходилось заплутавших разыскивать, стрелять из ружей, чтоб они выходили на выстрелы. Встречались с медведями — тут уж не до ягод, бежали прочь. Отдельные мастера-сборщики за сезон набирали ягод тоннами. Больше всех набирала Устинья Гавриловна Шатина.

Разгорелись у избушек костры. Бабы готовили еду: варили рыбу, мясо, грибницу, картошку, кашу-заваруху из муки-крупчатки (засыпали муку в подсоленный кипяток, размешивая и добавляя масла). Рыбы в речке Ярке сколько угодно, только не ленись — лови. В лесу глухари, косачи-тетерева, рябчики. Ловили их слопцами, пленицами. Выберут на солнцепеке песок или песчаную дорожку в лесу, где по утрам играют и греются птицы, с двух сторон делают завал — невысокую изгородь из лесного валежника. В середине оставляют проход с метр шириной, натягивают на уровне головы птицы шпагат с пленками-силками, скрученными из длинного конского волоса. Пленок нет — делают слопец: берут одно или два нетолстых бревна, скрепляют их, настораживают в проходе.

У костров рассказывали сказки, были и небылицы, пели песни. Молодежь занималась своими забавами. А если подаст свой голос гармошка, то веселью нет конца.

— Оська, ты посмотри — какие это бабы идут к нам? Все ягоды у нас выберут, нам ничего не оставят. Я их сейчас припугну. Да Маньку предупреди, чтоб не испугалась. Я сейчас медведем наряжусь. Как бабы заметят меня — ты с Манькой беги и кричи: «Медведь! Медведь!». Только сами далеко не убегайте.

Сказав это, Николай ушел в кусты. Там он снял с себя шубу, вывернул ее наизнанку — шерсть была черная, длинная. Надел снова на себя. Вывернул шапку с меховым черным подкладом, надел ее. Лицо прикрыл козырьком, сам одним глазом поглядывал на баб. Начал кусты шевелить, сухой валежник ломать, по-медвежьи рывкать. Это он умел делать. Бабы остановились, прислушались, — видимо, заметили.

— Манька, начали!

Оська с Манькой бросились бежать и закричали: «Медведь! Медведь!». Бабы к-а-к стриганут! Словно их ветром унесло! Оська с Манькой поотстали от них, вернулись к Николаю, смеются.

— Кто был?

— Да Арина Куклиха! Арина бежала, запнулась о валежину, упала. Только встала — снова упала, рассыпала ягоды, набирушку утеряла.

— Бельчиха с дочкой, Анюшка Вачкова да Муза Салтанова.

— Вы только никому не говорите, ни гу-гу! Будут спрашивать — скажите: «Мы сами напугались! Почему нас бросили?».

Вечером у костра Куклиха рассказывала бабам, как она напугалась медведя:

— Девки, я ведь сегодня медведя видела! Столкнулась с ним носом к носу. Беру это я ягоды, беру, внимания не обращаю по сторонам. Подошла к одной толстой валежине, а ягод у ней красным-красно. С другой стороны валежины куча большая. Я думала сначала: муравейник. Потом смотрю: куча-то зашевелилась! Я тут сразу обмерла, ни жива, ни мертва. Передо мной — медведь! Поднялся на задних ногах да как заревет, зарывкает! У меня душа в пятки ушла, онемела, хочу бежать — не могу. Он, проклятый, смотрит на меня злыми глазами, рывкает, сам ни с места, да как плюнет мне в лицо! Я чуть с ног не свалилась. Медведь потом как прыгнет в сторону, словно пушинка, обежал круг и снова на это же место встал. Я незаметно задом, задом начала отдаляться шаг за шагом. Медведь стоит, смотрит на меня. Я дошла до дерева все задом, спряталась за него. А медведь повернулся и убежал. Я тоже бежать от этого места. Дорогой набирушку с ягодами утеряла. Хорошо, что так обошлось, не помял меня.

Таких рассказов у костров было множество. Где-то они были правдивыми, а где-то и вымышленными.

Набранные ягоды сыпали в срубы, построенные из бревен в три-четыре венца с настилом. Делали их посемейно или в складчину на борах и в Большой деревне. После окончания сбора ягод срубы закрывали крышей. Ягоды здесь хранились до самой зимы, по зимней дороге их вывозили на лошадях на продажу в Тобольск или сдавали в свою лавку.

КРЕСТИНЫ

Крестили меня на третьем году. Часовня была рядом, за нашими амбарами. Поп приехал из Горнофилинска в Цингалы на богослужение. Отец и мать повели меня в часовню. Зашли в нее — у меня аж глаза разбежались: кругом иконы, все светится позолотой, серебром, играют солнечные зайчики. Вышел поп.

— Здравствуй, батюшка! Вот сына привели крестить.

— Как назвали?

— Да Иваном!

— О! Хорошее это имя, народное. И-о-а-н-н! Звучное имя! Его носят самые святые. А может, другое дадим?

— Нет, батюшка, оставь Ивана! Мы уже к нему привыкли. Мы вот яички принесли, сметанки.

— Когда родился? Мне надо записать в церковную книгу.

— Да после Пантелимона. Пошли на бора, чуть дорогой не родила.

— Вот так делать грешно! Надо знать свое время.

— Виновата, батюшка! Впредь буду знать.

— Иван! Иван! По времени подходит к Ивану Постному, осеннему.

Кого в крестные ставите?

— Вот Шатин Иван Иванович, Ченькова Созиха.

— Кто? Кто? Это что — кличка? Нет у бога такого имени! Есть Софья!

— А мы ее по-своему называем! Она привыкла, не обижается.

Мои крестные стояли рядом с родителями. Шатин Иван, среднего роста, с красным широким лицом, рыжими усами, концы которых загнуты кверху, часто-часто мигал. Созиха — хрупкая, худенькая старушка, лицо почему-то сворочено набок, кривобокая. Пока взрослые разговаривали, я кругом все рассматривал. Перед нами стояла купель на одной ножке, посеребренная. Рядом такая же чаша со святой водой, только поменьше.

Мать раздела меня — сняла только одну длинную холщевую рубашку, штанов-то вообще у меня не было. Батюшка поднял на руки, посадил в холодную, светлую-светлую воду, взял железный веничек, обмакнул его в святую воду, окропил брызгами, дал ложечку причастия и вытащил меня из купели. Я дрожал.

— На, мать! Получай сына Ивана, православного!

Отец и мать поблагодарили батюшку за крестины, отдали ему ячки и сметанку, из часовни зашли домой вместе с крестными. Баба Таня поставила на стол угощение и бутылку самогона.

Рос я вялым, болезненным. Не знаю даже какими болезнями переболел. Запомнилась только одна, все ее называли желтухой. Часто бывала высокая температура, лежал пластом, бредил, грезилась страшные сны — кричал, вскакивал с постели. Чтобы облегчить мое состояние, баба Таня приглашала знахарок. Каждый советовал свое. Чем только не перепоили, а улучшения не было. Крестная Созиха предложила щучий метод лечения: заставила отца поймать щуку, положили ее в длинное деревянное корыто, меня посадили возле и заставили смотреть на щуку как можно дольше. По мнению Созихи, вся моя желтизна должна была перейти на щуку. Вот я и смотрел на нее, не отрывая глаз. А щука открывает свой большой рот, зевает и на меня смотрит немигучими глазами, хвостом пошевеливает. А вдоль тела, как волны ходят — чешуйки пошевеливаются, посвечивают искорками. Наверно, думает: «Что тебе от меня надо? Сжался, отпусти в воду! Я ведь уже задыхаюсь, дышать нечем! Я жить хочу!». Щука желтая с черными полосками и крапинками по спине черная полоса. Смотрел, смотрел я — спать захотелось, начал носом клевать.

— Это хорошо! Пускай теперь поспит, — говорит Созиха.

Таких сеансов было несколько. А баба Василиса советовала свое лечение. Заставила на лугу насобирать желтеньких цветочков — лютиков, заварить в чайнике и этим отваром поить меня. Что мне помогло, не знаю, только мое здоровье шло на улучшение. Бабки, крестные, родители повеселели. Вторичный крестный Иван Матвеевич Батурин на выздоровление в день именин дал большую нельму на пирог.

БАБА ТАНЯ

Из самого раннего детства помню, как во сне, отдельные моменты. Особенно в памяти баба Таня — Татьяна Осиповна. Она меня очень любила, водилась со мной и поставила меня на ноги. Сколько мне было лет — не знаю. Сiju это я в самодельной деревянной новенькой коляске, выточенной на станке, разукрашенной разноцветными красками — видимо, недавно сделанной дедом Мартыном. К коляске привязана веревочка. Баба Таня сидит на лавке, прядет лен, подпеваает песенки тихо, про себя. Ногой коляску оттолкнет, веревочкой подтянет, опять оттолкнет и подтянет и так несколько раз. Снова прядет и поет. Это она делает от скуки и чтобы не заснуть. Как баба ни крепилась,

все же засыпала. Веретено вывалится из рук, стукнет об пол. Баба Таня клонет и опомнится: «О, боже мой! Ночи не хватает!».

А то в праздник, выпившая легонько, поставит меня на стол и танцует от всей души, когда других нет.

— Ванька, помогай мне! Танцуй!

Я начинаю притопывать ногой. Она захохочет и опять танцует. Устанет, схватит меня на руки, сядет на лавку и начинает плакать.

— Эх! Ванька, Ванька! Проходит моя жизнь. Ничего я в ней хорошего не видела. Одна мука. Дед Мартын, как выпьет, начинает меня гонять. А сколько работы было переделано! Молодость промелькнула в холоде, голоде, на мужской работе. Не видела я счастья в своей жизни. Такая уж, видимо, моя судьба! Вот только с тобою и повеселюсь. Как сложится твоя жизнь? Что ждет тебя впереди? Дай, боже, чтоб она была непохожа на мою.

Вбегает с криком в избу Манька:

— Баба Таня! Баба Таня! Оська меня бьет! — и прижимается к бабе.

— Значит что-то напрокудила! Зря бить не будет.

Следом залетает Оська:

— Она у меня все бабки разбросала! Чем я играть буду? Я ей все равно задам! Получит она от меня кутерьму!

— Вы вот не бегайте друг за другом! Скоро приедет Пана с сеном — надо помочь сено отметать да дров натаскать в избу. Делом занимайтесь.

Оська был круглым сиротой. Отец пришел с гражданской войны весь израненный, немного полежал дома и умер. Мать его, сестра Николая, заболела тифом и через год тоже умерла. Вот Оська и воспитывался у дяди.

Приехала мать с сеном. Оська помог ей сено отметать на повить, Манька утаптывала его. Мать распрягла лошадь. Оська с Манькой погнали лошадь и корову поить на реку. На водопое была прорублена длинная прорубь, с трех сторон огорожена тальником, чтобы снегом не заносило. За прорубью следили и чистили ее поочередно все соседи. Отца дома не было. Он с зятем Иваном Исаковым ушел в извоз. На лошадях увезли на продажу в Тобольск мороженую рыбу и бруснику. Дедко рыбачил на дальних сорах. Мать осталась дома по хозяйству, возила сено и дрова.

Завечерело. Явились Оська с Манькой, зажгли керосиновую семилитровую лампешку, сели учить уроки за общим стол. Около них и я рассматривал картинки в книгах. На обложке родной речи картинка: крестьянки на поле жнут серпами хлеб, связывают снопы и складывают их в суслоны. Манька штудировала букварь, все твердила: «Мы не рабы! Рабы не мы!».

Баба Таня затопила печку-железку. В избе стало тепло. Мы уже у печки, греемся и слушаем потрескивание дров.

— Баба Таня, расскажи нам сказку!

— Что же вам рассказать? Вот про щуку хотите послушать?

Баба Таня знала много сказок, былин и небылиц. Умела их рассказывать, хотя и была неграмотная. Мы сидим и слушаем, уши развесив.

ЩУКА И ЕРШ

Жила-была щука, да такая большая-пребольшая — что человек, может и больше. Я-то ее не видела, а люди сказывали, что были щуки даже с переметку. Да такая раскрасавица. Одета в желтое платье, а по платью темно-синие полосы черными крапинками; посмотреть — одно загляденье. Красива-то красива, но очень зубаста. Зубы — как шилья. Жила она, эта

красавица, в сору Кутэп-тор. Ее вся рыба боялась, большая и маленькая, во все стороны бросались, лишь бы подальше от нее. Носится-носится по сору — всех разгонит! Устанет — залезет в траву и стоит не шелохнется. То ли спит, то ли дремлет. Солнце траву освещает, от травы тень полосами и на щуке тоже есть полосы — темные и желтые. Вот ее и заметь. Хоть сколько смотри — не увидишь. Трава да и трава. Да что вам говорить — ведь щуку вы видели и даже ели.

Так вот она спит и видит во сне: подплывает будто бы стайка мальков — резвятся, играют, плавают наперегонки, кувыркаются, на солнышке греются-нежатся.

— Я (это щука-то) открываю рот, а дурачки-мальки заплывают в рот и не думают о неминуемой смерти. Плавают, щекочут — в душе одно наслаждение. Ну, думаю, хватит вам резвиться. Хлоп! И мальки в лозушке. Покатились в мое брюшко. Я только плавничками поглаживаю его. Я не виновата, если они сами лезут.

Вдруг подлетает ершишка. Расхрабрился, разьершился, колючки торчат! Плавает возле моего рта туда-сюда, туда-сюда, да еще так нахально, с вызовом мне говорит:

— Ты мальков съела? Съела! Я сам видел! Тебе не стыдно таких маленьких есть да еще своих детей?!

— Ну, ершишка! Я от тебя этого не ожидала. Ты тоже людские сплетни разносишь? Этого я тебе не прощу!

Только хотела кинуться на него, уж очень мне захотелось съесть непутевого, а он — раз! Повернулся ко мне хвостом и говорит:

— На! Ешь, ешь! Чтоб тебе подавиться!

Тут я и опомнилась. Хоть ершишка и маленький, а может погубить меня.

Говорю ему: «У тебя, ершишко, умишко, а у меня — УМ! Ты меня не обманешь!». И проснулась. Страшно есть захотелось, в животе урчит.

И поплыла щука на охоту — гоняться за мальками.

Приехал отец из Тобольска. Вот было радости! Сколько гостинцев! Школьникам привез акварельные краски, цветные и простые карандаши, ручки и перья, маленькие книжечки. Мне детскую гармошку с оранжевым мехом, свистульку. Всем конфеты-лизунцы горошком и подушечкой, сахарные прозрачные петушки на палочках, пряники цветные. Очень я обрадовался новеньким деревянным санкам. Маме и бабе отец подарил по кашемировому платку со цветочками и еще что-то.

Пришли соседские ребята. Их угостили разными леденцами. Баба Таня немного подвыпила, ходит веселенькая, на плечи надет новенький платок. Этим моментом воспользовались ребята. Под вечерок у той же раскаленной докрасна печки-железки собралась соседская детвора.

— Баба Таня! Расскажи нам сказку!

— Ладно уж, расскажу. Садитесь. Я как-то вам рассказывала сказку про щуку, так вот еще про нее расскажу.

ЦАРЕВНА-ЩУКА

Жила-была щука старая-старая, лет может ста, если не больше. Большая-пребольшая, больше той, про которую раньше говорила. До того была стара, аж на голове у нее мох рос. Жила она в сору Шинак-тор. Раньше

Шинак-тор, как море, был. Ветер раздуется и волны ходят, как горы. На переметке не суйся, сразу перевернет и утонешь. Это теперь Шинак-тор обмелел, травой зарастает, а раньше он был глубокий. В нем разная рыба водилась — щуки, язи, караси. А какие были караси! Мой дедко Мартын ловил таких карасей, что один карась кое-как помещался на сковородку. А икры, икры сколько было! Таких карасей теперь нет.

Так вот, жила эта щука в Шинак-торе. Поехал один раз наш местный ханты рыбак-охотник сети смотреть на переметке, а заодно и уток пострелять. Звали его Микулкой. Подъехал он к Сосновому борку. Видит: лось стоит на берегу, ушами машет, с ноги на ногу переступает. Комары на ветерок его выгнали. Микулка тихо пристал к берегу. Незаметно подкрался, стрельнул из дробовика пулей. Лось пошатнулся на ногах, но стоит. Микулка снова зарядил ружье, опять пальнул. Лось свалился. Микулка освежевал его. Покурил трубку, отдохнул. Мясо и шкуру положил в лодку, поехал домой, теперь уж не до сеток. И надо же случиться беде! Только доехал до середины сора, поднялся ураганный ветер, заходили большие волны, Микулку с лодкой стали болтать вверх-вниз, вверх-вниз. Потом Микулка опешил. Смотрит на волны: на него движется карча-не карча, лесина-не лесина, какое-то чудовище. Из воды высунулась пребольшая голова с разинутым ртом — Микулки как не бывало, исчез! Искали-искали — так и не нашли. Потом пошли слухи, будто Микулку сглотнула щука, вместе с лодкой.

Может и правда. Ведь в щучьей голове есть лодка, весло, ружье, лосиные ноги. Микулка был крещен — на себе крест носил, так в голове щуки и крест есть. Вот с тех пор щука стала царицей рек и озер. Заделалась хозяйкой водного царства, верховодить над рыбами.

В декабре 1918 года родилась сестренка Катька. Ох, и орала она, спасу не было. Отец принес длинную оглоблю, просунул ее между потолком и заборкой у печи, привязал к концу оглобли старый деревянный ящик на веревках (этот ящик мне знаком, я в нем качался), в него положили сухое сено, на сено тряпку. И Катька стала хозяйкой ящика. Чуть она закряхтит или зашевелится, баба Таня уже у люльки — качает ее, а я помогаю бабе.

НОВЫЙ ГОД

Старики говорят, пришел Новый год. Почему Новый? Откуда он пришел? Из лесу, что ли? Новый — значит молодой? Такой же, как я? А старый куда девался? Старый — значит с большой седой бородой, с седыми волосами, усами, как у деда Мартына?

Думы мои нарушила Муза Салтанова, соседка:

— Манька, пойдём на улицу, девки ждут!

Около крыльца Маньку ждали соседские девчонки — Нинка Исакова, Глашка и Люська Лосевы, Аниска и Анюшка Куклины.

— О чем будем гадать, девки? — спросила Нинка.

— Давайте поворожим — кому какой жених будет? — предложила Муза. — Как поворожим? Давайте поленья воровать! Каксе полено вытащишь — такой тебе и жених будет.

Согласились. Решили брать поленья у Петра Лутовина, поленица дров у самой дороги.

— Кто первый будет тащить?

— Анюшка, с тебя начнем!

— Нет, я боюсь! Вдруг плохой жених попадет! Я первой не буду!

— Испугалась! Я буду тащить! Плохой, так плохой, хороший так хороший, — согласилась Люська. — А как тащить?

Муза пояснила:

— К поленнице будешь подходить задом. Подойдешь — зажмурь глаза и бери первое попавшее полено.

Люська пошла. Все затаили дыхание. Вот она взяла полено и вернулась. Стали осматривать его. Полено оказалось ровное, с гладкой березовой корой.

— Ну, Люська, ты счастливая! Жених будет добрый, с хорошим характером.

Люська была на седьмом небе, радешенька. За ней пошла Нинка. Выбрала полено прямое, с черными пятнами на коре.

— Нинка, у тебя тоже будет добрый жених, только черноволосый.

Муза принесла корявое полено — жених сердитый, забияка, драчун. У Аниски сучковатое — жених пьяница. У Глашки полено с отстающей корой — жених душа нараспашку, весельчак. У Маньки кривое — жених с какими-то недостатками: то ли хромой, то ли кривой. У Анюшки полено с волнистой древесиной — жених кудрявый.

На другой вечер девки собрались у нас. Опять стали ворожить. Манька принесла чурку с железным трехрогим таганчиком, поставила ее посередине избы. Все сели на пол вокруг чурки. Соседка Муза вставила вертикальную лучину в расщелину таганчика.

— Девки, загадывайте, чего хотите в Новом году? Если уголек перевернется в чью-то сторону, ее желание может исполниться. Загадали?

Муза зажгла лучину на таганке. Все уставились на нее. Лучина гореть не торопится. Вот начала постепенно затухать. Наконец, потухла. Уголек скрючился в одну сторону.

— Глашка, уголек склонился в твою сторону! Чо загадывала?

— А Глашка дух перевести не может. Обрадовалась!

— Я загадывала: сошьют ли мне родители новое платье? Сошьют! Это мечта моя!

Манька Кашкарова загадывала любит ли ее Ванька Бизин. Уголек в точности угадал ее мысли и удовлетворил желание. Муза загадывала, придет ли на свидание в условленное место Пашка Холодилов. На этот раз Музе повезло — Пашка обязательно придет. Аниске уголек показал, что она в Новом году не будет болеть.

— Теперь петух нам погадает! Мама, я возьму петуха?

Манька вытащила петуха из-под шестка, запихала его в мешок. Перед каждой девкой насыпали по горсти овса. Манька поставила петуха на середину круга, он завертел головой, зазыркал глазами. Удостоверившись, что тут ему опасность не угрожает, вопросительно посмотрел на девок: что вам от меня надо? И увидев овес, кинулся прямо на кучку Марии Чагоровой, стал клевать.

— Девки! Я ведь правда скоро выйду замуж!

— Кого же ты выбрала или он тебя приметил? Если не секрет, скажи.

— Ладно уж, не говори. Мы и так знаем. Андрюшка-то Исаков недаром, как стемнеет, к тебе тянется. Шила в мешке не утаишь!

Девки стали подтрунивать друг над дружкой. Тут выявились все деревенские секреты. Начался смех. Петушок удовлетворил все желания девок, даже не по одному разу. Подошла баба Таня:

— Хотела уснуть да разве с вами уснешь. У вас тут такое веселье.

(Продолжение в следующем номере).

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Е. Грошева

А. К. Шмелев: Каждое село имело почтовую избу, а при ней почтовых лошадей. Ездили не обязательно тройками, но с колокольчиками. Заслышав издали эти колокольчики, хозяйка почтовой избы кидала в кипяток пельмени. Пока возчики и пассажиры «веревочки» (платили по рублю за километр) ели пельмени и гоняли чай из самоваров, почта сортировалась. То, что следовало везти дальше, перекладывалось в сани, запряженные уже здешними почтовыми лошадьми, а приезжий возчик получал обратную корреспонденцию. Как только путники отогревались, все было готово к дальнейшей дороге. Так вот Арон проехал девятьсот километров.

На месте он убедился, что все материальные ценности с каравана складированы нормально, техника исправна, за исключением двух тракторов, у которых по недосмотру сопровождающих (не слили воду) разморожены двигатели. По моему заданию все блоки новых сейсмостанций Арон разместил в жилых домах на полатах. И вернулся по той же «веревочке» со своими вещами.

С баржей из Тюмени прибыли к нам несколько рабочих и техников из Коми АССР. Мы уже знали, что к нам переведена вся Северная экспедиция, работавшая в тех местах, ждали остальных. Их оказалось немного: начальник сейсмопартии Иван Максимович Жук, его жена инженер-геофизик Вера Федоровна Чергинец, интерпретатор сейсмопартии Эмилия Петровна Резникова, еще несколько техников. Переводом из Главсевморпути прибыл оператор-сейсморазведчик Ракитянский.

Вскоре все должны были разъехаться по полевым подразделениям до весны. Обычно сбор всей экспедиции был веселым, праздничным, а тут у многих было подавленное настроение. Подходили октябрьские праздники, канун тридцатипятилетия революции, а в кассе по-прежнему пусто, продуктов на складе еле-еле хватит для котлопунктов полевых отрядов. Прошу окрыболов-потребсоюз отпустить экспедиции продукты по безналичному расчету — не положено. Обратился в окружной комитет партии. Там бы и рады помочь, но заставить кормить нас в долг не могут. Но когда я уже уходил из окружкома, меня догнал молодой инструктор промышленного отдела (фамилию его, к сожалению, не запомнил). Он сказал, что знает, где могут дать займы крупную сумму денег, и повел меня в поселок Перековку, где жили высланные «кулаки».

Зашли в избу, поздоровались. С печи слез дед с бородой как у Льва Толстого. Инструктор меня представил, объяснил, что экспедиция в трудном положении, надо помочь, заверил, что я — человек надежный. Дед спросил, сколько надо. А надо много: в экспедиции четыреста человек! Я цифру сразу и назвать не могу, говорю, что заплатим проценты. Дед вскинулся: «Проценты?! Я что — процентщик какой? Никогда им не был, а на старости лет...». Чуть обратно на печь не полез. Я попросил прощения, сказал, что надо бы тысяч двадцать пять. Дед задумался: «Денег таких у меня нет. Но дам я тебе облигации, ты их сейчас сдай, а когда деньги будут — выкупи обратно». Я не знал, как благодарить, хотел хоть расписку написать — дед опять рассердился. Потом сказал про инструктора: «Я его знаю. И коли он за тебя ручается, и тебе верю».

Сдавая облигации, я предупредил работников сберкассы, что скоро их выкуплю, просил не трогать, не разрознивать. Как только трест выслал деньги,

все облигации были выкуплены и возвращены патриарху с глубокой благодарностью. Перед праздниками все нуждающиеся получили по пятьдесят-сто рублей.

В ноябре начали работы березовский и октябрьский отряды электро-разведочной партии, малоатлымский и нялинский отряды гравиметрической партии, нялинская сейсмопартия. Малоатлымская сейсмопартия приступила к работе с пятнадцатого декабря по приезде санных поездов с оборудованием из Троицкого.

Я тем временем принимал различные комиссии, проверявшие нашу деятельность. В середине ноября в экспедицию приехал геофизик Мень с распоряжением треста о повторной приемке материалов комиссией в составе: Мень, Лев и Шмелев. Лев, в свое время знакомясь с нашей работой, удивлялся высокому качеству материалов, но теперь уж, конечно, похвал не высказывал. В результате строгой проверки было забраковано пятнадцать процентов ранее принятых материалов. Но все-таки не тридцать, как в Тюмени.

Через месяц уже из Москвы, из Главгеофизики, прибыл инспектор с приказом провести расследование гибели караванов комиссией под его председательством с членами: главным инженером экспедиции Шепелькевичем и замполитом треста (тем самым, с которым я на конференции по спецодежде сражался). Пока не прибыли члены комиссии, председатель вместе со мной на ПО-2 слетал в Малоатлымскую партию, убедился, что вся аппаратура, оборудование и материалы доставлены на место, и сейсмопартия приступила к работе. Потом вместе с членами комиссии на лошадях выезжали в Троицкое, убедились, что баржу начали вымораживать для ремонта, а катер уже вытасен на берег, двигатели и гребные винты увезены на ремонт в промартель. Арон Ландберг доложил о мерах, принятых для сохранности материалов новосибирского каравана. К акту комиссия приложила радиограмму из экспедиции от 4-го октября, в которой я просил караван не высылать. В вину мне поставили лишь «жестокую телеграмму» о длинном тросе бедствовавшим караванщикам.

К концу декабря возвратился в экспедицию заместитель начальника Санков, пришел приказ треста, освобождающий меня от должности главного инженера и назначавший инженером-интерпретатором с заданием подготовки отчета экспедиции за пятьдесят первый год. Оформили подпись Шепелькевича в банке, и с начала нового, пятьдесят третьего года экспедицию возглавила новая администрация. В январе прибыл и новый начальник экспедиции Зиновьев, переведенный из Молдавии, был утвержден заместитель начальника по политической части. Почти вдвое были повышены оклады новым руководителям, и больше их стало тоже почти вдвое.

С приходом нового начальства началась перестановка кадров. Так, в Малоатлымской сейсмопартии Аркадия Кузнецова перевели в помощники оператора, а оператором поставили Ракитянского.

Б. Л. Быховский: Этот «ас» и «северный волк» оказался совершенно неграмотным оператором. Со станцией обращался, как человек, не умеющий писать, с ручкой. Несобренный, неответственный, все у него из рук валялось. Материалы шли из рук вон плохие. Новый инженер-интерпретатор Эмилия Петровна Резникова лила море слез и отказывалась их принимать.

Э. П. Резникова: Станция была старая, а оператор, хоть и в годах, неопытный. Я помочь ему наладить аппаратуру не могла. Настраивает он ее, настраивает, посмотрим по допускам — вроде все нормально, а пока до места доедет, все растрясет. Приносит мне сейсмограммы — у меня слезы градом: «Что вы мне одни наводки принесли?!». Я ведь уже год работала, знала, какими бывают хорошие сейсмограммы.

А. К. Шмелев: За зиму отряд Ракитянского не сделал ни одного полезного наблюдения.

В. А. Гершаник: Качество мы еще получить могли, но количество —

никак. Мешало плохое хозяйство: балки в диком состоянии, один трактор вышел из строя, не хватало всего, например, сульфита... Я так работать не мог, партию сдал.

А. К. Шмелев: Новый начальник партии, не знакомый с условиями работ, выполнял указания Шепелькевича и игнорировал советы опытных Гершаника, Быховского, Кузнецова.

В. А. Гершаник: Да, собственно, что было советовать... Я был техруком, в мою работу он не входил. А вскоре меня отозвали в экспедицию писать какой-то отчет за прошлые годы за подписью новых начальников. Вот тут с Шепелькевичем и его женой у меня не пошло...

Б. Л. Быховский: А начальник партии к тому времени уже никому не мешал. Вскоре он уволился.

А. К. Шмелев: Начальником малоатлымского гравиразведочного отряда вместо Чусовитина назначили техника, прибывшего из Коми — все работы этого отряда были забракованы.

Особую заботу Шепелькевич оказывал сейсмопартии Жука. На профиль не выезжал, но свои идеи осуществлял именно там. То отозвал трактор — единственный, без него работа партии остановилась — чтобы отвезти на профиль устройство для таяния снега. «Устройство» удалось довести до первой протоки, но вытащить его на берег трактор не смог. То направил на профиль разборную кухню-столовую в десятиместной палатке со столами, стульями, бумажными цветами и разборной печью. На сборку этого чуда двое рабочих затрачивают целый день, а балки по профилю двигаются ежедневно. В Якутии, где работал Шепелькевич, партии стояли по месяцу на одной точке, там, в такой столовой, видимо, была нужда, у нас она только мешала работать.

И. М. Жук: Вышли в пойму Оби на песчаный берег — материал пошел плохой. Прошу главного инженера выехать — шлет распоряжение: «Замените конденсаторы в усилителях!». Сказать легко, а это значит сделать изменения в схемах всех двадцати четырех усилителей. Сутками паяли — ничего не получается! Перепаивали обратно. Снова прошу выехать, а ему из Хантов все видно: «Не идти вдоль Оби. Перпендикулярно и на другой берег!». Попробовал я усомниться, получил разъяснение: «Если не будете меня слушать, я вам испорчу всю жизнь!».

Э. П. Резникова: Я с Шепелькевичем познакомилась, когда писала отчет после Малого Атлыма. Он раздал всем отпечатанные листы, куда мы должны были вписать свои данные. Нас это возмутило: выводы, сделанные по своей работе, в эту схему не укладывались. Я в конце концов спорить бросила, вписала «данные» в его «анкету», но снизу изложила все, что считала нужным.

Его не любила вся экспедиция: высокомерный, категоричный, не мог или не хотел с нами по-человечески. Возможно, считал слишком уж зелеными — ему было лет пятьдесят. А мы опеки над собой терпеть не хотели. Ведь молодежь быстрее всего учится, если дать самостоятельность, ответственность, а мы этого уже попробовали, начали ходить сами — и вдруг нас пытаются вернуть в пеленки!

О. В. Шкутова: Но Шепелькевич — единственный из нового руководства — все-таки был с идеями, хоть и странными. Санков — тот просто ничего не знал. А Зиновьев — настолько далек от интересов дела...

А. К. Шмелев: Была взята установка на то, что все, что прежде делалось в экспедиции, плохо. Срочно вводились новшества — непродуманные, непроверенные, лишь бы не как было! Так была отменена котловая сдельная оплата труда полевым рабочим. Те отказались работать по окладам, требуя в таком случае доукомплектовать партии. Месяц бригады лихорадило, потом вернулись к бригадной сдельщине.

И. П. Шмелева: Новое руководство создавало «особые» условия «ставленникам Шмелева», видимо, считая нас внутренними врагами. Я почувствовала это при первой необходимости обратиться с просьбой к администрации.

По существовавшим тогда правилам я имела право отлучаться дважды в день для кормления грудного ребенка — на полчаса. Но камералка была далеко от экспедиции, я не успевала, вот и попросила соединить мне эти перерывы в один, но часовой. Не разрешили.

Уволили Клаву Чунину. Уехала Дина Федорова. Октябрина Шкутова работала теперь в камералке, но у нее родился сын, начальником партии ей теперь действительно было бы тяжело.

А. К. Шмелев: Нам с Октябриной выпало еще одно переживание. В феврале в Ханты-Мансийск приехал начальник геологического отдела управления Сибирского округа Госгортехнадзора со специальным вопросом ко мне: какова глубина до кристаллического фундамента в Березово? Я взял обработанные материалы березовского электроразведочного отряда — порядка восьмисот метров. Оказывается, скважина уже достигла глубины тысяча двести метров, а фундамента все еще нет. При заложении скважины единственные данные о глубине фундамента взяты по данным нашей электроразведки. Опорная скважина может не достигнуть фундамента — это загубленные большие государственные средства, и многим грозят серьезные неприятности. А прежде всего — мне. Опять запахло судом...

Вместе с Октябриной попытались интерпретировать материалы с различными допустимыми параметрами, но глубины до фундамента во всех случаях более тысячи метров получить не могли.

Через несколько недель я с облегчением узнал, что березовская скважина достигла фундамента на глубине тысяча двести тридцать четыре метра. Только через год мы установили, что по зимним вертикальным электрозондированиям мы систематически получаем меньше глубины до фундамента, так как не учитываем и не можем учитывать возросшее на морозе внутреннее сопротивление электрических батарей.

Весной, перед распутицей, я поехал в Новосибирск защищать отчет. Здесь узнал о поступивших в трест документах о моем «вредительстве», о том, что замминистра на общем собрании заявил: «А таких, как Шмелев, мы будем судить!». До того горько было, что если бы не четверо детей, жить дальше не стал бы...

Пошел к управляющему трестом. «Как же так, в чем моя вина?». Он признал, что в бедах экспедиции виноват больше моего. Сказал, что документы о «вредительстве» дальше его сейфа не уйдут. Предложил направить меня на работу в любую экспедицию.

После защиты отчета я не мог вернуться в Ханты: наступила распутица. Взял отпуск за два года и уехал в Москву.

И. П. Шмелева: А я после отъезда Саши попала в совсем безвыходное положение. Из санатория в Кустанае, где лечилась старшая дочка, пришло сообщение о ее выписке. Надо срочно ехать, пока не закрылись зимники, не раскисла взлетная полоса — начальство отказывает в отпуске. Его дали, как только началась распутица. Теперь я просила отложить отпуск до начала навигации — опять отказ. Смогла выехать только к концу отпуска, очень спешила вернуться вовремя. Но могла бы и не торопиться: к возвращению меня уволили «по недоверию»: как же можно допускать к секретным документам человека, стоящего на спецучете! Два месяца, пока не вернулся Саша, сидела без денег, без работы. Восстановили по требованию управляющего.

Э. П. Резникова: Наша партия от экспедиции стояла далеко, администрация нас не трогала, а весной, после окончания зимнего полевого сезона, словно вовсе позабыла. Доходили слухи, что партия будет ликвидирована, но отъезд все откладывался.

Тут наступили хорошие дни: длинные, солнечные. Я стала ходить на лыжах — снег еще лежал, хотя было уже совсем по-весеннему тепло. Больше почему-то никто не ходил, лыжни, конечно, не было, но зато — какая красота

вокруг! Горки, овраги — и тайга! Мне казалось, что такой должна быть Швейцария. Когда сошел снег, я попыталась вывести в лес и девчонок-вычислителей. Мы к тому времени уже хорошо подружились, но они оказались плохими ходоками: чуть прошли — устали, а одни обратно идти не хотят, приходится вести. Потом в лес ходили только с практическими целями: за дровами. Мы жили (и камералка тут же была) у совершенно безалаберной женщины, если бы не хворост, который мы собирали, она бы сама замерзла в своем доме.

В апреле было очень тепло, все растаяло, готовы были проклюнуться листочки! Я все удивлялась: Сибирь, Север же! Но на первое мая пошел такой снег — наверное, на полметра все засыпало. Потом разлилась Обь. Она такая широкая у Малого Атлыма — не видно берега напротив. Я все ждала ледохода, вспоминала, как громоздились, сшибались, рушились ледяные скалы на Оке, совсем маленькой, по сравнению с Обью.

В мае стало известно, что нашей партии предстоит стать «земноводной». Оказывается, на берегу ждала весны баржа. Наши ребята стали чинить ее. Мы с девчонками мало чем могли помочь, но старательно толклись поблизости. Наконец, баржа была спущена на воду. Там нам выделили помещение — четвертую часть всей баржи! И мы принялись за свое хозяйство, старались навести полный порядок и уют. А ребята ремонтировали новую станцию, занимавшую половину баржи. Не успели начать работать, обе мои подруги уговорили отпустить их в отпуск. И осталась я в кубрике одна.

Начальником партии стал Николай Шкутов, оператором — Борис Быховский, молодые, как, в общем-то, и вся партия. По вечерам такую компанию невозможно было заставить лечь спать. Сидели на берегу, жгли костры, пели, плясали... Зато утром никто не хотел вставать. Тогда Шкутов пошел на жесточайшие меры: повелел после семи утра закрывать котлопункт. Кто не успевал до семи — оставался голодным. Тут я была с коллективом врозь: мне не было необходимости вставать так рано, ведь я работала над результатами их труда. Поэтому я вставала в половине девятого и сама готовила себе завтрак. А ребята честно выделяли мне часть имеющихся и добытых продуктов. Однажды ночью проснулась оттого, что по кубрику кто-то прыгает — перепугалась! А разглядеть не могу: ночь еще, хоть и белая. Потом вижу: караси. Один прыгает в миске на столе, другие рядом с миской, а третьи уже соскочили со стола и по полу... Значит, ребята ночью рыбачили.

Работа в «земноводной» партии сразу пошла лучше, чем зимой: и аппаратура теперь была вполне приличная, и работали на ней более умелые люди. Для меня теперь главной трудностью стали комары: ведь у меня работа сидячая. А они пробирались в мою камералку сотнями, хотя, казалось бы, никакой возможности для этого у них не было. Я сидела за столом в валенках, брюках, лыжной куртке, наглухо замотанная платком. Оставались незащищенными пальцы и узкая полоска лица, и комарам этого было достаточно, чтобы доводить меня до иступления. Время от времени я вспоминала слова нашего прежнего начальника Виктора Гершаника, переданные мне, как заповедь: «Не жди, пока комар нападет на тебя, нападай первым!» — и предпринимала яростную атаку. Потом набирала сучьев, устраивала дымокур. — комары отступали, но начинало есть глаза. Терпела, сколько могла, потом вновь отдавалась на съедение этим паршивым комарам.

А какая красота была вокруг! Все росло и цвело — яркое, крупное, душистое! Так хотелось пройти по лесу, и время было, но комары... Могли бы заживо съесть! Светлые мгновения наступали, когда баржа трогалась к новому месту стоянки. Я, только почувствовав первый толчок, сразу выбегала на палубу, разматывала платок — ветер в лицо, ни одного комара — чудо, как хорошо!

Еще хорошо было ночью. Я забиралась под полог, перебивала там всех комаров и засыпала крепко-крепко. Однажды проспала так целое стихийное

бедствие. Ночью разразилась буря, и баржу оторвало, понесло. Я ничего не слышала и плыла вместе с баржей. А большая часть людей оставалась на берегу: кто-то там спал в палатке, кто-то у костра засиделся. Бросились на баржу укрываться, а она — от них. Пока завели катер, пока догнали баржу, да еще ее поймать нужно было... Вот когда ловили, я и проснулась. Всем это казалось ужасно смешным.

Б. Л. Быховский: В конце июня часть нашей партии была направлена в Березово на сейсмокаротаж опорной скважины. Народу там собралось много, две партии. Из начальства — Гершаник и Лев (как главный геолог).

Работали (взрывы производили) с двух скважин, они рядышком. Три взрывника. Готовили заряды впрок, быстро получалось. А в последний день они себе решили еще упростить: две боевых магистрали! Это категорически запрещено правилами! Я, как оператор, этого не знал. Меня спрашивали потом, почему мы не обратили внимания, что так быстро чередуются взрывы в скважине — но они и так быстро... Когда хлопнуло, я на подножке стоял (у меня в станции студент принимал ленту), я думаю: заряд всплыл. И тишина. А потом бежит водитель каротажной машины и кричит, что Боря Самсонов подорвался! Мы все побежали туда, а он ползет: «Ребята, спасите, я еще живой!». Ужасно! Сразу, конечно, машину, отвезли. День — нормально, другой, а на третий день нас вызывают... Он не потому умер, что что-то ему там покалечило, а в него вошли мелкие-мелкие осколки медной проволоки от детонатора, на кусочки ее нарубило, и в тело ему... Медь, окисление, интоксикация... Медики или не распознали или не могли ничего поделать — умер от заражения крови. И главное, ведь всю войну прошел, ранен был, а тут — так глупо-глупо... Родители приехали, жена. Они хотели похоронить в Москве, и министерство добро дало на спецрейс, но так трудно было с авиацией... И они согласились похоронить в Березово. Мы его до самого кладбища на руках несли, мы ведь дружили очень хорошо...

Потом суд. Двое прямых виновников получили по два года тюрьмы, мне приговорили заплатить штраф. Гершанику и Льву — по два года исправительно-трудовых работ.

Вернулись в Ханты-Мансийск. И тут приезжает новый начальник Тюменской геофизической экспедиции Грачев во главе целой комиссии — ликвидировать нашу экспедицию! Грачев объявил народу, что работы наши признаны нерентабельными — звучало как оскорбление!

Э. П. Резникова: Мы уже кончили маршрут, дошли до Большого Камня, как вдруг пришло распоряжение: работы прекратить, срочно выезжать в Тюмень. Дело в том, что пока мы тут работали, где-то в кабинетах шла дискуссия, о том, стоит ли вообще изучать север Тюменской области в крайне трудных условиях, без дорог и техники? Ведь даже если будет что-нибудь найдено, освоение почти невозможно. И победило мнение сначала заняться всерьез исследованиями юга области. С первого августа 1953 года Ханты-Мансийская экспедиция была ликвидирована.

А. В. Кузнецов: Ханты-Мансийск был скомкан. Противников развития работ с самого начала было много. То, что средств не было ни материальных, ни технических, ни людских, так все это тормозилось откуда-то свыше и при любом поводе работы старались прекратить. Ну, а мы работали двумя партиями, когда денег давали на одну, штат одной партии делили на две. Ясно, что нагрузка вдвое, и на ИТР, и на рабочих.

В. А. Гершаник: Безусловно, экспедиция была организована преждевременно. Работали зачастую неграмотно, вслепую. Осязаемо, за цели, стали работать только в Березово.

О. В. Шкутова: Техники, конечно, не хватало, в основном, шли на энтузиазме. Но мы уже научились работать в тех условиях, и база создана была, а, главное, работать хотелось! Конечно, последний год работали слабее,

чем могли бы, но это была вина не коллектива, а неумелого руководства. И вот — наша работа «бесперспективна», наша экспедиция ликвидирована...

А. К. Шмелев: Не будь Ханты-Мансийской, да и Тюменской геофизических экспедиций, работать «зачастую неграмотно и вслепую» пришлось бы и в Березово, и всему Тюменскому геофизическому тресту. Только по мере накопления геофизических исследований была проанализирована эффективность методов, аппаратурно-технических приемов. Дальнейшая работа базировалась на сделанных выводах.

Одновременно был выполнен достаточно серьезный объем производственных геофизических работ. А затраты... В «застойные» годы на одну сейсморпартию расходовалось средств больше, чем на Тюменскую и Ханты-Мансийскую экспедиции — обе вместе и за все время с 48 по 53 год!

И. М. Жук: После ликвидации экспедиции я решил уехать. Таким тяжелым, бестолковым был этот год... И в Северной экспедиции трудно приходилось. В пятидесятом году с отрядом гравиметровым я прошел три тысячи километров — пешком! Тяжелейший был маршрут, по заросшему почтовому тракту, без населенных пунктов. Когда вышли к деревням, там уже рассказывали, как нас волки съели... В следующую зиму я был начальником сейсморпартии — пятьсот километров от экспедиции, три четверти рабочих — уголовники, тут же три отставных начальника партии... Знал, что делать, и работа шла! А тут... Ликвидированная Ханты-Мансийская экспедиция целиком передавалась Тюменской — и аппаратура, и специалисты. Но начальник из Тюмени Грачев при первом разговоре обронил, что в Хантах работали специалисты классом ниже, чем у него... Я решил, что работать к нему не пойду! Все мы, прибывшие в Ханты-Мансийск переводом, отправились к управляющему Новосибирским трестом просить, чтобы нас отпустили. Он сказал: «Можете уезжать. Но мой совет — не делать этого. Трудности временные, перспективы большие». И дал на раздумья пять дней.

И тут — газ в Березово!

Э. П. Резникова: Все имущество Ханты-Мансийской экспедиции плыло на баржах в Тюмень, когда ударил этот фонтан. Тут же было решено возобновить работы на севере, только не у Ханты-Мансийска, а в Березово, вернуть баржи...

В. А. Гершаник: Мы еще оставались в Ханты-Мансийске, потому что следствие шло, прокуратура занималась. И так совпало, что суд был назначен на двадцать третье сентября, и в этот день произошел самопроизвольный выброс этот, фонтан березовский. Суд по этому поводу не отменили, всенародного ликования не было, это мы только понимали случившееся.

Мне поручили разыскать и повернуть наш караван в Березово. Я вылетел на «шаврухе», летел вдоль Оби, выглядывая этот караван и сел буквально перед носом катера, которому велел повернуть к берегу, и там передал на словах случившееся в Березово, показал бумагу с распоряжением возвращаться. Никаких вопросов, очень оперативно развернулись и пошли, не заходя даже в Ханты-Мансийск, в Березово.

ГОВОРИТЕ ПО — МАНСИЙСКИ

Прежде чем перейти к предмету нашего разговора, расскажем об одном курьезном случае, описанном Ольгой Кошмановой в зарисовке под названием «Мисс» и «мис».

«Еще не стих шум после урока мансийского языка, как в класс вошел легкой, пружинистой походкой учитель истории Григорий Львович, любимец первокурсников. Предмет свой Григорий Львович знает отлично, рассказывает интересно. На его уроках все работают, все заняты. Девчонки смотрят на него восхищенными глазами. Мальчишки — в восторге, подражают его походке, манерам. И все вместе ждут его уроков с нетерпением.

Григорий Львович подошел к столу, кивком головы поздоровался, одновременно разрешая этим садиться. Хлопнула последняя крышка стола, и в классе установилась тишина. Учитель осмотрел класс и остановился взглядом на девушке с пушистыми волосами и косой на груди.

— Отвечать будет мисс Леля!

Лелька встала. И неудержимо, сами собой, из ее глаз на парту закапали слезы.

«Зачем! Почему! Почему он назвал меня так! Неужели я похожа! И все из-за этих дурацких кос! Сколько раз пыталась их обрезать да все отговаривают. И вот, на тебе! Мис!».

Григорий Львович непонимающе оглядел класс. Ни одного взгляда, у всех глаза потуплены.

— Что случилось! Что такое! Почему Вы плачете!

В ответ тишина. Напряженная, злая, недоброжелательная.

Наконец, спазм отпустил Лелькино горло, хотя слезы по-прежнему бежали по щекам.

— За что! За что вы меня так называли! — наконец-то смогла вымолвить Лелька.

— Как!

— Коровой!!!

— Как коровой! Почему коровой!! Я сказал мисс.

По-английски это значит «девушка». Девушка Леля.

И тут он вспомнил, что преподает в национальном училище, и понял, что желая как-то отличить понравившуюся ему девушку, оскорбил ее, назвав «мис», что по-мансийски означает «корова».

— О боже! Прошу вас, — обратился он к Лельке, — и всех вас, — ко всему классу, — простите меня! Ох, уж эта наша культурность!

А за Лелькой прозвище «Мисс Леля» сохранилось на все годы учебы».

Ну, а теперь перейдем к делу.

Кажется, совсем недавно, в тридцатые-пятидесятые годы, в Березовском и Кондинском районах повсеместно звучала мансийская речь. Языком манси владели не только коренные жители, но и многие люди других национальностей, населявшие мансийский край. Затем постепенно язык стал выходить из употребления вплоть до того, что среди кондинских манси знающих родной язык осталось не более нескольких десятков.

В последние годы усилиями национальной интеллигенции этот процесс удалось замедлить, появилась надежда на возрождение языка.

Одна из тех, кто участвует в этом благородном деле — педагог из Березова Светлана Алексеевна Попова. Мы начинаем публикацию подготовленного ею русско-мансийского разговорника, надеясь, что он вызовет интерес у наших читателей.

Разговорник содержит минимум слов и фраз, необходимых для общения. Материал в нем располагается по тематическому принципу и включает разделы «Семья», «Одежда и обувь», «Времена года», «Счет», «Дикие и домашние животные», «Рыболовство», «Охота» и другие. Кроме словарного материала, будут даны краткие сведения о грамматике языка манси.

Разговорник в первую очередь рассчитан на тех, кто совершенно незнаком с мансийской речью, может он быть использован и как учебное пособие. Автор с благодарностью примет замечания и предложения, продиктованные желанием сделать работу более совершенной.

Конструкции предложений к теме «Семья»

У вас большая семья!

Наша семья состоит из пяти человек.

Сколько у вас братьев!

сестер!

Нан яныг семья оньсегына!

Ман семьявт ат хотпа.

Нан апси канк манах оньсегын!

увси эсь оньсегын!

У меня два брата и сестра.
Где работает старший брат?
Мой брат работает шофером на
рыбоучастке.
Это моя жена.
Кем работает ваша жена?

Моя жена учительница.

Это мой муж.
Кем работает ваш муж?
Мой муж рыбак.
Мой муж охотник.
Есть ли у вас дети?
У меня двое (трое) детей.
Сколько лет вашему сыну?
вашей дочери?
Как зовут вашего ребенка?
Как вас зовут?
Вы учитесь в школе?
Где работают родители?
Моя мать работает на звероферме.
в совхозе дояркой
работает

Это моя мать
моя бабушка
моя старшая сестра
Это ваша мать!
ваша бабушка!
ваша старшая сестра!
Это мой отец
мой дедушка
мой старший брат

Ваша бабушка что делает?
Моя бабушка шьет одежду.
Что делает твоя мать?
Моя мама готовит пищу.
Это мой старший сын.
Это моя младшая дочь.

Ам кит апси ос эсь оньсегум.
Канкын хот рупиты!
Ам канкум рыбучасткат шоферыг
рупиты.
Ты ам эквам.
Нан экван хот манарыг рупиты!

Ам эквам няврам хан исьтан нэг
рупиты.
Ты ам ойкам.
Нан ойкан хот рупиты!
Ам ойкам хул алысьлан хумыг олы.
Ам ойкам воруй алысьлан хумыг олы.
Нан няврам оньсегын!
Ам кит (хурум) няврам оньсегум.
Нан пыган
Нан агин манах талэ!
Нан няврамын наме маныр!
Нан намын маныр!
Нан школат ханисьтахтэнын!
Нан оман ос атян хот рупитэг!
Ам омам охсяр янмалтан колт рупиты.
совхозыт мис поснэ
нэг рупиты.

Ты ам омам.
ам сясеквам
ам увсим
Ты нан оман!
нан сясекван!
нан увсин!
Ты ам атям.
ам опам
ам канкум

Нан сясекван маныр вари!
Сасеквам маснут юнты.
Оман маныр вари!
Омам тэнут вари.
Тый ам яныг пыгум.
Тый ам мань агим.

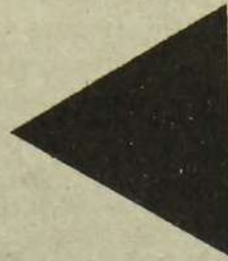
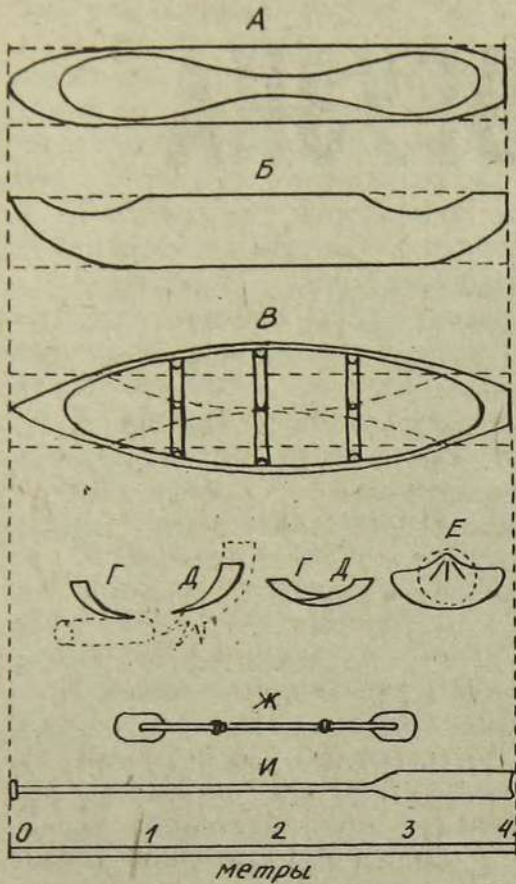
ЧЕЛН

Если приходится плыть вверх по реке, пробираться по ее старицам и пойменным озерам, то в этом случае незаменимую услугу окажет легкий челн. Для его изготовления необходимо пятиметровое осиновое или тополевое бревно диаметром около 50 см, но не тоньше 40 см.

С такого бревна обдирают кору, а концы его обтесывают, как показано на рис. (А, Б). Затем по всему бревну, через каждые 10 см, помечают угольком продольные и поперечные линии, а на пересечении их просверливают трехмиллиметровым буравчиком или прожигают гвоздем отверстия: по бокам

Сделайте сами

На рисунках и снимке
М. Заплата —
изготовление осиновки,
мансийского челна.

на глубину 2 см, а снизу на 3 см. В каждое отверстие забивают соответствующей длины колышек из сосновой коры.

После этого в верхней части бревна прорубают две выемки шириной 20 см каждая и через них выбирают топором и овальной стамеской сердцевину. Долбить нужно до тех пор, пока не появятся в стружках крошки сосновой коры от забитых в отверстия колышков.

Когда середина бревна будет выбрана, заготовку переворачивают вверх дном, устанавливают ее на чурки и разводят под ней во всю длину тлеющий костер, стараясь его теплом хорошо распарить древесину. Когда она станет податливой, ее разводят в стороны (рис. В, Е), и боковые стенки лодки закрепляют поперечными распорками (рис. Г, Д), сделанными в соответствии с размерами челнока из изогнутых березовых сучьев.

Готовый челн просушивают на солнце. При этом снаружи его просмаливают. На этом челноке уключин не делают. На нем плавают с помощью двухлопастного весла (рис. Ж) или шеста (рис. И).

Ю. Герасимов

БЕЛАЯ ТРЯСОГУЗКА

В один из июньских дней, когда вдруг резко потеплело, трое маленьких ребят во главе с более старшим Олегом отправились к воде, чтобы побродить босиком. Она в эту пору доходила до западного конца ул. Энгельса, идущей от Самаровского холма к широкой пойме Иртыша. Вода к полудню уже нагрелась, и мы наперегонки, обдавая друг друга брызгами, понеслись по пляжу. Через несколько минут веселой беготни мы были мокрые, и Олег сказал, чтобы мы принесли хворост для костра из той кучки, что виднелась рядом у обрывчика. Мы подбежали, начали вытаскивать сухие ветки и тут увидели, что из-под кучи вылетела беленькая птичка и, порхая над нашими головами, тревожно «зацыбикала». Мы обратили на нее внимание и кликнули Олега. Он подошел, посмотрел и сказал, что это синичка, или белая трясогузка и что у ней здесь где-то гнездо. Чтобы больше не беспокоить птичку, мы набрали хворост в другой куче, разожгли костер и начали сушиться.

В костре потрескивали ветки, бросая в стороны искры, и дым лениво стелился над спокойной водой у берега, по которому носилась взад и вперед беленькая трясогузка. Черные бусинки ее глаз весело посматривали на нас, а длинный хвостик постоянно покачивался, как будто благодарил за то, что мы не тронули ее гнездышка.

Белая трясогузка — одна из самых обычных воробьиных птиц нашего края. В летнюю пору она всегда на виду и встречается везде. В городе или селе идешь по тротуару, и она, как хозяйка, бежит впереди тебя, быстро семеня лапками. Уедешь на весеннюю охоту, разведешь костер у берега дальней протоки и тут увидишь эту изящную птичку. Идешь по моховому болоту за весенней клюквой, кругом тишина, бурые кочки у озера, еще покрытого льдом, мягко поглощают звуки и вдруг — «цыбик-цыбик» — прямо

с неба садятся белые трясогузки. Они деловито начинают бегать по льду, весело перекликаются между собой и с любопытством поглядывают на человека, как бы спрашивая, что он делает в эту пору в такой глуши.

Наконец, она встречается там, где ни одна из птиц всего пернатого царства края не осмеливается быть — на плывущих судах. Сколько раз, бывало, стоишь на палубе парохода, любишь берегами Конды, Ваха или Иртыша, и вдруг слышишь знакомый голос, а через секунду-другую видишь летящую волнистым полетом над водой веселую трясогузку. Она догоняет судно и усаживается на палубу. Люди посматривают на нее, она на них. Посидит-посидит и примется деловито осматривать каждый уголок, как будто она «боцман», проверяющий чистоту на палубе. На самом деле она ищет и ловит мух да ручейников, которые попрятались от ветра. Поймает нескольких, прокатится на корабле и снова летит к родному берегу.

Трясогузка, или синичка — одна из маленьких воробьиных птичек, которую хорошо знают коренные жители и ждут прилета ее весной. С ее прилетом издавна связывали начало ледохода, а значит начало рыбалки и весенней охоты.

В южных районах округа весной трясогузки прилетают в третьей декаде апреля, когда вдоль берегов еще покрытых льдом рек появляются полосы чистой воды — закраины, а в поселках на стенах домов оживают синие мухи — пока единственный корм для них.

Первыми прилетают старые самцы. Они, как и самочки, с белыми щечками, на которых хорошо заметны черные, всегда блестящие «хитринкой» глазки. На белых грудках у них накинуты черные фартучки, а вот в окраске верха головы различие — у самца она черная, тогда как у самочки серая.

Самцам-разведчикам, первыми прилетевшими на родину, в иные годы приходится трудно: апрельское тепло обманчиво, сменяется холодом и тогда сразу пропадают любимые мухи, покрываются льдом лужи и снег припорошивает проталины. Но несмотря на эти испытания, веселые трясогузки не теряют бодрости. Стоит блеснуть лучу солнца сквозь тучи — они оживают и начинают весело щебетать, уверенные в скором приходе тепла. В первой декаде мая тепло усиливается и прилетают самочки, с этой поры дружба между самцами, вместе преодолевшими далекий путь, рушится. Они начинают выражать друг другу неприязнь и вступают в конфликты.

Весенние конфликты самцов происходят обычно на земле. Встретившись, соперники начинают резко покачивать головками вверх-вниз, встав друг перед другом нос к носу. Если это не пугает, в ход пускается «страшный» прием: более сильный соперник, опустив голову и распушенные крылья, обходит вокруг слабого, последний не выдерживает и с громким «цыбиканьем» бросается прочь. Победитель две-три секунды преследует его, потом отстает, усаживается на крышу дома, столб или ветку дерева и начинает петь. Песня самца трясогузки негромкая, журчащая и буквами почти не передается, кроме одной строфы, которая наиболее часто звучит, как «вырч». Именно эта строфа послужила причиной местного названия трясогузки: на р. Сосьва — «ворсик», на р. Конде — «вурчик».

Распевая песенки, самец постоянно следит за тем, что делается вокруг, и всегда ревниво охраняет территорию своего гнездового участка. Увидит другого самца — непременно прогонит. В пылу весенних страстей самцы гоняют даже непонимающих в чем дело воробьев, но самое интересное — они преследуют и крупных птиц, в том числе коршунов. Заметивший первым опасность начинает часто и тревожно «цыбикать», взлетая в сторону, с которой исходит угроза. Через несколько секунд видишь, как по этому сигналу около лениво парящего коршуна собираются все самцы, несущие сторожевую службу. Они громко кричат и теперь хищнику трудно подлететь к намеченной жертве тихо и незаметно.

Если для самцов весна — время песен, то для самочек это ответственная пора создания семьи и продолжения рода. В то время как самцы распевают свои песенки, самочки несколько дней с утра до вечера ищут удобные места для постройки гнезда. Они могут оказаться в поленищах дров, под досками, на чердаках, но чаще в ямках по береговым склонам недалеко от воды, которую птички очень любят. В течение дня постоянно видишь, как они бродят «по колено» в воде, выхватывая с ее поверхности намокших жучков и паучков. Однако птички не только собирают малоподвижных насекомых, они активно ловят их, используя приемы преследования на земле и в воздухе. Особенно часто это можно наблюдать, когда в гнездах появляются птенцы и требуется много пищи.

На земле птичка, заметив крупного комара или стрекозу, примерно за метр, резко ускоряет свой бег и хватает насекомое. Если жертва увернулась (а это чаще стрекозы) и взлетела, то начинается преследование в воздухе с резким подъемом вверх, за которым следует гонка с крутыми виражами. Поймать четырехкрылую, очень верткую стрекозу, не так просто, и гонка продолжается порой минуту-другую, при этом трясогузка, проявляя настойчивость, редко отстает.

Не спеша идет лето, продолжительные светлые дни позволяют трясогузкам почти двадцать часов в сутки кормить птенцов, и они быстро растут. Покрывшись перышками, они, в отличие от чеканов-каменок, не выходят из гнезда, а терпеливо ждут, пока не окрепнут крылья и не наступит в их жизни чудесный день. В этот день и в этот час они готовы одновременно, по сигналу родителей, разлететься в разные стороны. Если в этот момент подойдет враг, он даже растеряется и не сразу сообразит, за которым гнаться. Тем временем разлетевшиеся птенцы падают в траву и некоторое время молчат, слушая тревожные предупреждения родителей об опасности. Как только она минует, звучит другой сигнал, и птенцы наперебой начинают звать родителей, которым теперь приходится трудно: если раньше летали в одну точку, к гнезду, то теперь надо в шесть или семь — столько бывает птенцов.

Через неделю после вылета в семье трясогузок наступают странные перемены — родные братья и сестры вдруг становятся равнодушными друг к другу и даже на родителей не смотрят: они стали самостоятельными, хотя еще торчит за ушками на их головках звездочками детский пух. Став самостоятельными, трясогузки стараются перебраться к берегам рек или озер. Днями они всегда на глазах, а вечерами прячутся в зарослях высоких трав, окружающих мелководные пойменные озера, где с утра им бывает удобно собирать разных улиток, жуков, ручейников.

Весь июль трясогузки держатся в этих поймах, молодые набираются сил для дальних перелетов, «пожилые» родители меняют старое оперение на новое. В начале августа, когда еще тепло и много пищи, вдруг замечаешь, что птички, как весной, начинают соединяться в стайки, хотя не такие плотные, как у скворцов, которые, когда взлетают, то напоминают темную тучу. У трясогузок стайки рассеяны и птички то по две, то по три пролетят немного, сядут, за ними другие и так двигаются неспеша в южном направлении. К середине месяца стайки взлетают дружнее и летят дальше.

В сентябрьские дни, когда нависают над рекой прохладные туманы, выйдешь на берег реки и видишь, как летят эти веселые летом пичуги, теперь же большую часть времени молчаливые. Если перекликаются, то как-то тихо, с грустью. Остановившись отдохнуть и собирая насекомых у воды, они все бегут и бегут друг за дружкой на юг. С наступлением вечера они прячутся в разных ямках и трещинках на берегах, у своей любимой воды, а на рассвете продолжают путь. В конце сентября пролет заканчивается и на сырых обрывистых берегах становится тихо до будущей весны.

Фото автора.

фото Л. Березницкого.

